

На правах рукописи

БОКОВ Дмитрий Константинович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена
в федеральном государственном казенном образовательном учреждении
высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

Научный консультант: **Мацкевич Игорь Михайлович**
доктор юридических наук, профессор

Официальные
оппоненты: **Тисен Ольга Николаевна**
доктор юридических наук,
ФГБОУ ВО «Российский государственный универ-
ситет правосудия имени В.М. Лебедева», ректор

Агапов Павел Валерьевич
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», факультет
права, департамент уголовного права, процесса и
криминалистики, профессор

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета универси-
тет Министерства внутренних дел Российской Феде-
рации имени В.Я. Кикотя», кафедра криминологии,
профессор

Ведущая организация **ФГБУН «Институт государства и права
Российской академии наук»**

Защита состоится «08» октября 2026 года в 12:00 на заседании диссертаци-
онного совета 24.2.336.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский
государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», по
адресу: 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 7, стр. 22, зал диссертаци-
онного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)» <http://msal.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

А.Н. Першин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется социальной потребностью в разработке новых и повышении эффективности имеющихся уголовно-правовых инструментов противодействия терроризму.

Современная контртеррористическая стратегия, реализуемая на международном и национальных уровнях, имеет выраженную превентивную направленность – она нацелена на разрушение кадровой, идеологической, организационно-управленческой, материально-технической и информационной инфраструктуры терроризма, в том числе за счет использования уголовной репрессии в отношении лиц, умышленно создающих условия и возможности для осуществления террористических нападений (вербовщиков, поставщиков вооружения, инструкторов, спонсоров, пропагандистов и т.п.).

Превентивная стратегия уголовно-правового противодействия терроризму потребовала перенастройки механизма уголовно-правового воздействия: вектор уголовно-правовой репрессии сместился в сторону ненасильственных деяний, детерминирующих террористические атаки (террористическая агитация, финансирование терроризма, вербовка, вооружение, подготовка, прохождение обучения в террористических целях и т.п.); уголовно-правовое воздействие переориентировано на ранние и сверхранние стадии террористической деятельности, следствием чего стала криминализация так называемых «пред-преступлений»; сконструированы новые нормативные основания уголовной ответственности для лиц, причастных к террористическим преступлениям (предписания об ответственности за соучастие *sui generis*, специализированные нормы об ответственности за подготовительную деятельность); расширен перечень уголовно наказуемых проявлений прикосновенности к преступлению (в частности, за счет криминализации публичного оправдания терроризма).

Однако, судя по всему, превентивная перенастройка механизма уголовно-правового воздействия для целей борьбы с терроризмом и его инфраструктурой не может считаться в полной мере завершенной. Его эффективность пока далека от оптимальных параметров, о чем сигнализируют: технико-юридические дефекты (несогласованность уголовно-правовых инструментов воздействия на инфраструктуру терроризма, их неоправданное дублирование и др.); противоречивость правоприменительных подходов к уголовно-правовой оценке деяний, образующих инфраструктуру терроризма; отступления от принципов уголовного

права при конструировании и применении ст. 205¹– 205⁵, 208 УК РФ (мультипликация ответственности за одно и то же преступное деяние, возврат к теории «опасного состояния» при квалификации участия в террористических объединениях и др.); грубые нарушения канонов дифференциации уголовной ответственности (сверхпенализация приготовительных террористических деяний, уравнивание пределов ответственности за содействие террористическим преступлениям разных категорий тяжести и др.). Причем все эти проблемы, как представляется, связаны с тем, что превентивный уголовно-правовой инструментарий, предназначенный для воздействия на инфраструктуру терроризма (кадровую, идеологическую, материально-техническую и др.), разрабатывался и внедрялся без должного теоретического обоснования, в отсутствие четкого представления о его функциональном назначении, без учета внутриотраслевых связей с базовыми институтами уголовного права.

На этом фоне становится очевидной необходимость разработки научной концепции, способной служить теоретической основой для оптимизации существующих и разработки новых инструментов уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма с учетом потребностей контртеррористической деятельности и позволяющей органично имплементировать специализированные антитеррористические нормы в существующее нормативно-правовое поле, согласовать их содержание и практику применения с принципами и традиционными институтами уголовного права.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования нельзя признать достаточной. Отечественная юридическая библиография насчитывает немало научных работ, посвященных вопросам уголовной ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, и проблемам их предупреждения. Так, например, содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ) и отдельные его проявления становились предметом уголовно-правовых и криминологических монографических исследований свыше десяти раз (диссертации А.О. Андриановой, С.Ю. Богомолова, П.А. Глущенко, И.Е. Елизарова, О.И. Кошевого, В.В. Кустовой, Д.Д. Магомедова, В.В. Палий, А.В. Серебрякова, В.В. Ульяновой, А.М. Факова; монографии П.В. Агапова, А.А. Докуева и др.); уголовно-правовому анализу проявлений террористической агитации (ст. 205² УК РФ) посвящены три диссертации (А.А. Балашова, О.В. Костылевой, З.А. Шибзухова), при этом количество научных статей по этой проблематике перевалило за сотню; детально изучены проблемы ответственности за

создание террористических объединений, предусмотренных ст. 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ, и участие в них (диссертации Б.Ш. Бейбулатова, Т.А. Бекботовой, А.В. Дмитренко, А.В. Павлинова, Р.В. Поличного, М.В. Сипки, И.О. Смирнова, Ф.А. Узбекова; монографии П.В. Агапова, А.Н. Мондохорова, А.Г. Хлебушкина и др.). Нельзя не упомянуть и работы обобщающего характера, в которых представлены результаты комплексного анализа деяний, образующих инфраструктуру терроризма (диссертации С.М. Ивлиева, И.В. Шевченко, А.С. Шуйского; монография С.М. Кочои).

При этом большинство имеющихся к настоящему моменту научных исследований выполнено преимущественно в аналитическом ключе с акцентом на технико-юридическом совершенствовании уголовного закона, разрешении проблем правоприменительной практики и профилактической деятельности. Признавая безусловную ценность этих работ, обогативших уголовно-правовую и криминологическую доктрину, нельзя не отметить дефицит исследований, нацеленных на системное познание закономерностей и противоречий уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, их интегративное осмысление. В результате в отечественной уголовно-правовой науке не получили должного рассмотрения теоретико-методологические и стратегические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, социально-правовые и криминологические предпосылки конструирования специализированных антитеррористических норм в Особенной части УК РФ, их функциональное назначение и соотношение с предписаниями институтов соучастия в преступлении и неоконченного преступления. Более того, не разработан адекватный терминологический аппарат, позволяющий разграничить насильственные террористические нападения (террористические акты) и ненасильственные террористические деяния, продуцирующие террористические атаки.

Отмеченные пробелы в научном знании служат препятствием для разработки концепции уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, а потому требуют восполнения, что дополнительно подтверждает потребность в проведении нашего диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка теоретической концепции уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Обозначенная цель предопределила постановку следующих **исследовательских задач**:

- обосновать целесообразность использования концепта «инфраструктура» в рамках уголовно-правовых и криминологических исследований терроризма, установить сущность инфраструктуры терроризма и сформулировать ее понятие;

- с позиции структурно-функционального подхода определить основные элементы инфраструктуры современного терроризма, установить закономерности ее развития;

- показать предпосылки «превентивного поворота» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, определить его основные векторы, уголовно-политические и уголовно-правовые последствия;

- оценить влияние зарубежных и отечественных уголовно-правовых теорий, концепций и идей на превентивную стратегию уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма;

- проанализировать инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма (институт соучастия в преступлении и нормы об ответственности за соучастие *sui generis*, институт неоконченного преступления и самостоятельные нормы об ответственности за приготовительную деятельность), оценить их достоинства и недостатки;

- изучить основные направления уголовно-правового воздействия на кадровую и идеологическую инфраструктуру терроризма, сформулировать предложения

по оптимизации в этих целях релевантного уголовно-правового инструментария;

- выявить актуальные проблемы уголовно-правового воздействия на организационно-управленческую инфраструктуру терроризма и обосновать возможные варианты их разрешения;

- определить направления оптимизации уголовно-правового воздействия на материально-техническую и информационную инфраструктуру терроризма;

- в порядке *de lege ferenda* спроектировать нормативную модель специализированных уголовно-правовых предписаний, предназначенных для противодействия инфраструктуре терроризма.

Объектом диссертационного исследования выступили общественные отношения, возникающие в рамках уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Предметом диссертационного исследования стали: инфраструктура терроризма, ее сущность, функции, структурное строение; стратегия, теоретические

основы, инструменты и основные направления уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, УК РФ, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и принятые на его основе подзаконные нормативные правовые акты, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В работе исследованы международные стандарты противодействия терроризму, зафиксированные в универсальных и региональных международных договорах, резолюциях Совета Безопасности ООН.

В рамках сравнительно-правового анализа предмета исследования изучено уголовное законодательство ряда зарубежных стран (в частности, Беларуси, Великобритании, Испании, Италии, Казахстана, КНР, Нидерландов, США, Франции, ФРГ).

В основу диссертационного исследования положена обширная **эмпирическая база**:

- справочно-аналитические и рекомендательные материалы по вопросам противодействия терроризму, подготовленные международными контртеррористическими структурами (11 документов);
- сведения, отраженные в докладах Генерального секретаря ООН по контртеррористической тематике (4 доклада);
- данные, полученные автором на основании изучения обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за период с 1997 по 2025 г.;
- результаты проведенного соискателем в 2023–2026 гг. обобщения судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205¹–205⁵, 208, 209 УК РФ (изучено свыше 500 итоговых судебных решений);
- данные проведенного в 2025–2026 гг. анкетирования по вопросам уголовно-правового противодействия терроризму, в рамках которого опрошено 56 научно-педагогических работников и 135 практикующих юристов, в том числе: 78 судей и 45 прокуроров (19 респондентов имеют ученую степень доктора юридических наук, 37 – ученую степень кандидата юридических наук);
- результаты анализа массива статистических данных о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205¹–205⁵, 208, 209 УК РФ, и лицах, осужденных за их совершение, за период с 1997 по 2025 г.;

– выводы, сделанные диссертантом на основании эмпирических исследований, проведенных международными исследовательскими группами, зарубежными и отечественными учеными по контртеррористической тематике, а также по проблемам психологии вербального воздействия.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили:

– научные положения и концепции, образующие теоретико-методологическую платформу уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма (теории раннего предупреждения преступности и ситуационного предупреждения преступлений, учение об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией, экономический подход к предупреждению преступности и др.), разработанные и развитые в публикациях отечественных (М.М. Бабаев, О.Н. Бибик, А.Э. Жалинский, И.М. Мацкевич, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, Г.М. Миньковский, Э.Ю. Чуклина) и зарубежных (Э.А. Саркисова, G. Becker, A. Cornford, R. Clarke и др.) ученых;

– основные достижения отечественной уголовно-правовой доктрины в части учения о преступлении, теории дифференциации уголовной ответственности, теории квалификации преступлений, представленные в работах А.В. Иванчина, И.Э. Звечаровского, М.И. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, А.И. Чучаева, П.С. Яни и др.;

– результаты уголовно-правовых и криминологических исследований преступлений террористического характера, изложенные в научных произведениях П.В. Агапова, А.А. Докуева, О.В. Костылевой, В.В. Красинского, Р.С. Кочои, С.М. Кочои, В.В. Кустовой, В.В. Меркурьева, В.И. Михайлова, А.Н. Мондохоннова, А.В. Павлинова, В.В. Палий, А.В. Серебрякова, О.Н. Тисен, В.В. Ульяновой, А.М. Факова, А.Г. Хлебушкина, З.А. Шибзухова, А.С. Шуйского и др.;

– научные труды в сфере сравнительного правоведения, подготовленные А.Л. Гуринской, Г.А. Есаковым, И.Д. Козочкиным, Н.Е. Крыловой, Н.И. Пикуровым, А.В. Серебренниковой и др.;

– научные разработки в области методологии научных исследований, истории государства и права, теории, философии и методологии права, конституционного права, социологии, психологии, лингвистики, относящиеся к объекту и предмету исследования.

Методологическую основу диссертации образуют: общенаучные (универсальные) методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия,

классификация, описание, моделирование, методология системного подхода) и частнонаучные методы, характерные для юридических исследований (историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический, методы грамматического, системного, телеологического толкования нормативных предписаний).

Совокупность избранных методов исследования позволила реализовать требования объективности, всесторонности, системности научного познания инфраструктуры терроризма и закономерностей уголовно-правового воздействия на нее.

Научная новизна диссертации заключается в разработке концепции уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, которая включает: социально-правовое обоснование концепта «инфраструктура терроризма», его гносеологического значения и объяснительного потенциала; положения и выводы, отражающие функциональную связь терроризма и его инфраструктуры, а также результаты структурно-функционального анализа элементов террористической инфраструктуры; теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма; научно обоснованные предложения по оптимизации его инструментария; уточненную уголовно-правовую характеристику деяний, образующих инфраструктуру терроризма, а также теоретические рекомендации по их квалификации; обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в части противодействия терроризму и его инфраструктуре.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Терроризм как сложный системный объект имеет развитую инфраструктуру, под которой предложено понимать умышленные общественно опасные деяния, направленные на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма.

Концепция инфраструктуры, базирующаяся на постулатах системного подхода, обладает значительным гносеологическим потенциалом и может быть продуктивно использована в рамках исследования феноменологии терроризма. В частности, она позволяет: подчеркнуть, что терроризм как сложный системный объект не может существовать в отрыве от его идеологической, кадровой, информационной, материально-технической, организационно-управленческой инфраструктуры; показать тесную функциональную связь терроризма и его инфра-

структуры; продемонстрировать объективно существующее различие между насильственными общественно опасными деяниями, формирующими идеологическую, кадровую, информационную, ресурсную основу терроризма, и собственно терроризмом, сущность которого заключается в насилии; углубить существующие представления о причинном комплексе терроризма, разграничить внутри него политические и социально-экономические факторы, способствующие радикализации и распространению терроризма, и целенаправленные деяния, которые детерминируют террористическую активность и выступают тем самым в качестве инфраструктуры терроризма; создать основу для классификации и систематизации преступлений террористической направленности.

2. Выполняя обеспечительные функции по отношению к терроризму (основной системе), его инфраструктура сама по себе представляет системное образование (подсистему). Ее основными элементами выступают: а) действия, направленные на воспроизводство кадров для террористических преступлений, их подготовку, террористическую агитацию (кадровая и идеологическая инфраструктура); б) деяния, обеспечивающие финансирование, вооружение и иное материально-техническое снабжение субъектов террористической деятельности (материально-техническая инфраструктура); в) действия, направленные на создание преступных объединений террористического характера, руководство ими, участие в их деятельности (организационно-управленческая инфраструктура); г) деяния, направленные на создание и развитие технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности (цифровая инфраструктура).

Элементы террористической инфраструктуры имеют двойной функционал: во-первых, они детерминируют совершение насильственных террористических преступлений, обслуживая тем самым основную систему (терроризм); во-вторых, каждый из них выполняет внутренние функции – способствует эффективной работе других элементов, обеспечивая мобилизацию инфраструктуры терроризма как подсистемы. С учетом высокой степени интеграции элементов инфраструктуры терроризма, концентрация контртеррористических усилий лишь на одном из них малопродуктивна. Здесь нужен иной – комплексный – подход, предполагающий системное воздействие на все составные элементы террористической инфраструктуры.

3. На рубеже XX и XXI вв. в уголовно-правовом противодействии терроризму произошел стратегический сдвиг: признав неэффективной стратегию «реактивного правоприменения», базирующуюся на стандартных основаниях уголовной ответственности (исполнение террористического преступления, покушение на него, соучастие в нем), национальные государства и международное сообщество в целом сместили вектор уголовно-правового воздействия в направлении деяний, образующих инфраструктуру терроризма.

В сфере уголовного законотворчества наиболее заметным результатом превентивного сдвига стали новые нормативные основания уголовной ответственности за финансирование и иное материально-техническое обеспечение терроризма, вербовку членов террористических групп, пропаганду терроризма и другие деяния, создающие возможности и условия для совершения террористических нападения. В результате уголовно-правовое воздействие стало восприниматься не только и не столько в качестве инструмента реагирования на уже совершенный террористический акт, сколько в качестве ведущей меры предупреждения терроризма.

Проактивный подход к уголовно-правовому противодействию терроризму реализуется в законодательстве подавляющего большинства государств мира, вне зависимости от формы правления, территориального устройства и политического режима, что служит весомым доказательством его эффективности.

4. В качестве теоретической платформы проактивной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма выступают научные положения и концепты, синтезирующие основные достижения:

- теории раннего предупреждения преступности, постулаты которой реализуются посредством «превентивной криминализации» ненасильственных деяний, создающих условия и возможности для совершения террористических актов (ст. 205¹–205⁵, 208 УК РФ), а также путем переноса момента юридического окончания этих деяний на начальный этап преступной деятельности;

- концепции ситуационного предупреждения преступлений, с учетом которой вектор уголовной репрессии смещается на инфраструктуру терроризма, т.е. на факторы внешней среды (ситуационные факторы);

- учения об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией, практическая реализация которого предполагает криминализацию деяний, выступающих в качестве криминогенных факторов («пред-преступлений»);

- экономического подхода к предупреждению преступности, положения

которого реализуются в практике пенализации инфраструктурных террористических деяний, а также при конструировании и применении отдельных уголовно-правовых норм, обеспечивающих «упрощенную квалификацию» (например, ст. 205⁵ УК РФ).

5. Концептуальная идея, предопределяющая потребность в антитеррористических нормах о соучастии *suī generis* (ст. 205¹, 205², ч. 1 ст. 208 УК РФ в части ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования), состоит в том, чтобы дополнить потенциал института соучастия в преступлении, создать нормативные основания для уголовно-правового реагирования на деяния, которые не охватываются общими положениями о соучастии. Однако идея о субсидиарном назначении предписаний о соучастии особого рода оказалась искажена до неузнаваемости: на практике нормы о соучастии *suī generis* стали основным, ведущим инструментом уголовно-правового реагирования на совместную террористическую деятельность, тогда как институт классического соучастия применяется по остаточному принципу.

Столь резкий крен в сторону норм о соучастии *suī generis* не вполне оправдан. Классический институт соучастия в преступлении, при всех его известных недостатках и пробелах, имеет неоспоримое преимущество в плане полноты, всесторонности и точности уголовно-правовой оценки: он позволяет увязать ответственность организатора, подстрекателя, пособника с общественной опасностью преступления, в котором они соучаствовали, с их ролью в совершении этого преступления, что создает возможности для индивидуализированного уголовно-правового воздействия. Нормы о соучастии особого рода (по крайней мере в существующем виде) к «тонкой настройке» уголовно-правовой репрессии не приспособлены. Они стирают различия в характеристиках террористического преступления, в котором соучаствовал виновный, уравнивают деяния, обладающие несовпадающей общественной опасностью (в частности, результативное и неудавшееся соучастие; соучастие в террористических преступлениях разных категорий тяжести).

С учетом вышеизложенного уголовно-политическая и правоприменительная концентрация на нормах о «специальном» соучастии представляется ошибочной. Приоритетом в правоприменении должны обладать нормы классического института соучастия в преступлении, а нормы о соучастии *suī generis* – вступать в действие лишь при невозможности применения положений Общей ча-

сти УК РФ о соучастии. Это позволит воспользоваться преимуществами классического института соучастия, компенсируя при необходимости его пробелы и недостатки за счет норм о соучастии особого рода, что создаст нормативные основания для беспробельного уголовно-правового противодействия различным формам содействия терроризму.

6. В действующем законодательстве наблюдается неоправданное «дробление» составов соучастия *sui generis*: для каждого специального соучастника предусмотрен отдельный состав, а ответственность за специальное пособничество предусмотрена посредством конструирования пяти (!) самостоятельных составов преступления. В результате выполнение различных по функционалу соучастных действий и даже монофункциональное соучастие (например, пособничество путем предоставления вооружения, финансирования или информации) расценивается в правоприменительной практике как совокупность преступлений, несмотря на то что лицо фактически участвовало в совершении одного и того же преступления.

Такая квалификация несовместима с канонами справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Нормативные конструкции соучастия *sui generis* предназначены для того, чтобы создать основания ответственности за деяния, которые не охватываются рамками классического соучастия, но не для мультипликации (удвоения, утроения) ответственности. А потому содействие в совершении одного и того же террористического преступления, проявившееся в функционально несовпадающих действиях (например, финансирование и вооружение, организация и вербовка), необходимо расценивать в качестве единичного преступления. Исключить совокупную квалификацию разных проявлений содействия в совершении одного преступления можно за счет конструирования состава с альтернативными деяниями, в рамках которого будут нормативно описаны все криминальные функции, характерные для соучастия особого рода.

7. При дифференциации уголовной ответственности за соучастие особого рода в ст. 205¹ УК РФ не учтены значимые различия в общественной опасности террористических преступлений, которым содействовало лицо путем вербовки, вооружения, подготовки, финансирования. Чтобы обеспечить учет категории тяжести «основных» террористических преступлений при дифференциации уголовной ответственности за инфраструктурные террористические деяния, необходима кардинальная перестройка «нормативного каркаса» ст. 205¹ УК РФ. Содействие террористическим преступлениям разных категорий тяжести должно

находиться на разных его «этажах»: в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ – содействие преступлениям небольшой и средней тяжести; в ч. 2 ст. 205¹ УК РФ – содействие тяжким преступлениям; в ч. 3 ст. 205¹ УК РФ – содействие особо тяжким преступлениям.

8. Отечественная модель уголовной ответственности за подготовку террористических преступлений имеет дуалистический характер: во-первых, УК РФ содержит общие предписания об ответственности за приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30), что нехарактерно для большинства зарубежных стран; во-вторых, в УК РФ включены уголовно-правовые предписания об ответственности за отдельные проявления приготовления к террористическим преступлениям (ст. 205³, 205⁴, 205⁵, 208). Это позволяет выстроить систему уголовно-правовых средств противодействия приговорительной террористической деятельности по принципу «эшелонированной обороны»: в качестве «первого эшелона» выступает универсальная норма о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ); на «втором рубеже» задействуются самостоятельные нормы о приготовлении особого рода (ст. 205³, 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ); при этом общая норма о приготовлении при необходимости подключается к нормам «второго эшелона» для уголовно-правового реагирования на сверхранние стадии террористической деятельности (приготовление к приготовлению *sui generis*, приготовление к соучастию особого рода).

Вместе с тем в правоприменительной практике нормы о приготовлении особого рода применяются одновременно с общими нормами о приготовлении к преступлению, вследствие чего одни и те же приговорительные действия нередко получают двойную, а иногда даже тройную уголовно-правовую оценку. Баланс между интересами обеспечения общественной безопасности и недопустимостью двойной ответственности за одни и те же приговорительные действия должен быть обеспечен посредством разграничения сфер действия между общими предписаниями уголовного закона о наказуемости приготовления и специальными нормами об ответственности за приготовление особого рода, а также за счет устранения необоснованного дублирования этих специальных норм.

9. Вовлечение в совершение преступления террористического характера (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ), в отличие от классического подстрекательства, может быть направлено как на «годных», так и на «негодных» субъектов. Следовательно, предусмотренное ст. 205¹ УК РФ вовлечение может проявлять себя не только в форме подстрекательства *sui generis*, но и в форме посредственного исполнения преступления, при котором в качестве фактического причинителя

вреда выступает лицо, не обладающее признаками субъекта преступления либо действующее невиновно под влиянием заблуждения. При этом совершение террористического преступления руками невиновно действующего или иного «негодного» субъекта образует идеальную совокупность преступлений – посредственного исполнения террористического деяния и вовлечения другого лица в его совершение.

10. Существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, – в общественной опасности) вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ) и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ) связаны в первую очередь с уровнем конкретики соответствующих высказываний, со степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования эмпирически подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка конкретных, инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим побудительным эффектом, чем побудительные высказывания общего характера. Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга: склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим побудительным воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности, не имеющие конкретики.

Конкретика специального подстрекательства, предусмотренного ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ, заключается в том, что вербовщик склоняет другое лицо к террористическому преступлению (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация), что отличает его от публичных призывов к террористической деятельности, для которых характерна гораздо меньшая степень конкретизации побудительных высказываний.

11. Предписания ст. 205² УК РФ об ответственности за публичное оправдание терроризма необходимо рассматривать сквозь призму теоретического учения о прикосновенности к преступлению. В этом ракурсе рельефно высвечивается тесная связь публичного оправдания с предикатным террористическим деянием, которая значима для решения целого ряда квалификационных проблем:

– предметом публичного оправдания терроризма могут выступать не только совершенные или совершаемые террористические преступления, но и

террористическая деятельность как таковая, вне привязки ее к какому-то конкретному совершенному преступлению. А потому процессуальное решение об отсутствии признаков состава террористического преступления в деянии «негодного» (малолетнего или невменяемого) субъекта не может служить препятствием для применения ст. 205² УК РФ к лицу, выступившему с публичным оправданием фактически совершенного общественно опасного деяния, имеющего террористическую окраску;

– квалификационная зависимость между предикатным террористическим деянием и его публичным оправданием приобретает обязательное значение лишь в тех случаях, когда предметом публичного оправдания становится конкретное деяние, соответствующее признакам состава преступления. Для применения ст. 205² УК РФ необходимо, чтобы предикатное деяние было квалифицировано именно как террористическое;

– если предметом публичного оправдания стало фактически совершенное преступление (а не абстрактная террористическая деятельность), то для применения ст. 205² УК РФ необходимо установить, что умыслом лица охватывался террористический характер этого деяния. Добросовестное заблуждение лица относительно характера предикатного преступления, ставшего предметом оправдания (такое заблуждение, в частности, может возникнуть на основе информации из официальных источников), исключает ответственность по ст. 205² УК РФ.

12. Предписания ст. 205² УК РФ об ответственности за пропаганду терроризма выполняют резервную функцию – они активируются в случае, если не сработали предписания об ответственности за иные деяния, альтернативно перечисленные в ст. 205² УК РФ, или за вовлечение в совершение преступлений террористического характера (ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ). Если для применения ч. 1 или 1¹ ст. 205¹ УК РФ недостаточно конкретики побуждающих высказываний, а для констатации состава публичных призывов к террористической деятельности недостает количества адресатов, то вменяется пропаганда терроризма по признаку направленности информации на формирование представлений «о допустимости осуществления террористической деятельности». В результате выстраивается понятная (по крайней мере на уровне теоретических обобщений) система критериев разграничения террористических деяний, включающих элементы побуждения (склонения):

– если побудительные высказывания (обращения) содержат видовую и фактическую конкретизацию преступления, к которому побуждается лицо

(группа лиц), содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 1¹ ст. 205¹ УК РФ как вовлечение в совершение деяния террористического характера;

– если высказывания (обращения) конкретизируют лишь вид преступления, то при наличии нескольких адресатов следует констатировать признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ);

– если же высказывания и обращения, убеждающие в допустимости осуществления террористической деятельности, не конкретизируют вид преступления, то они могут расцениваться как пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ).

13. Квалифицирующее обстоятельство, введенное в ч. 2 ст. 205² УК РФ Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ (использование информационно-телекоммуникационных сетей), является избыточным и не соответствует требованиям, предъявляемым к квалифицирующим признакам: во-первых, использование информационно-телекоммуникационных сетей нельзя считать обстоятельством, однозначно и безусловно повышающим степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ; во-вторых, сфера применения квалифицированного состава преступления намного шире сферы применения основного состава (в 9 из 10 случаев террористическая агитация квалифицируется по ч. 2 ст. 205² УК РФ). Это дает основания для отказа от дифференциации уголовной ответственности за предусмотренное ст. 205² УК РФ преступление в зависимости от способа (офлайн или онлайн) распространения террористической агитации.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма, размещенные в интернет-пространстве, имеют длящийся характер, что обосновывается постулатами теоретического учения о длящихся преступлениях, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

14. Подготовку лица в целях совершения террористических преступлений (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ) и прохождение обучения в тех же целях (ст. 205³ УК РФ) следует рассматривать как необходимое соучастие (одно без другого невозможно, но при этом каждое из взаимосвязанных преступлений имеет самостоятельный характер). При таком подходе:

– исключается возможность квалификации по ст. 205³ УК РФ так называемой «самоподготовки», осуществляемой без непосредственного или дистанционного контакта с лицом, которое передает соответствующие знания, умения и навыки;

– лицо, которое осуществляло подготовку обучающихся в террористических целях, не может признаваться организатором преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, равно как и обучающийся не может считаться подстрекателем к корреспондирующему преступлению, предусмотренному ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ.

15. Реализованный в УК РФ «блоковый» подход, предполагающий обособление статей об ответственности за первичное создание террористического сообщества (ст. 205⁴ УК РФ) и вторичную организацию деятельности запрещенной террористической организации (ст. 205⁵ УК РФ), порождает нарушения фундаментального принципа *non bis in idem*. Указанный в ст. 205⁵ УК РФ признак запрещенности не позволяет четко разграничить террористическую организацию от иных видов террористических объединений, поскольку участники запрещенной террористической организации, как правило, вооружены (т.е. соответствуют признакам незаконного вооруженного формирования) и нацелены на совершение преступлений террористического характера (т.е. соответствуют признакам террористического сообщества). В этих условиях судебная практика констатирует идеальную совокупность преступлений – одни и те же лица признаются виновными в создании сразу нескольких преступных групп и (или) участии в них, хотя по факту они являлись членами одной криминальной ассоциации.

Обозначенная проблема может быть решена посредством объединения предусмотренных в ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ деяний в рамках одного состава с альтернативными признаками. Что же касается ст. 208 УК РФ, то ее целесообразно переориентировать на уголовно-правовое противодействие тем нелегальным военизированным подразделениям, которые дублируют функции армейских и правоохранительных милитаризованных структур (частные военные компании, вооруженные народные дружины и т.п.), но не преследуют при этом криминальных целей.

16. Уголовно-правовая оценка организационно-управленческой террористической деятельности требует учета следующих частных правил:

– создание террористического объединения, предусмотренного ст. 205⁴ или 208 УК РФ, нельзя считать юридически оконченным, пока группа не приобрела устойчивость;

– взаимодействие организатора, создавшего террористическое объединение, с первоначальными его участниками, без которых группа возникнуть не может, следует рассматривать как «необходимое соучастие», но не как соисполнение создания террористического объединения;

– руководство преступным объединением нельзя считать не длящимся, а продолжаемым преступлением;

– при квалификации руководства террористической группой, сопряженного с финансированием терроризма, необходимо учитывать целевое предназначение средств: если они предназначены для формирования террористической группы и обеспечения ее деятельности, то дополнительная квалификация по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ является излишней; если же ресурсы направляются для финансирования конкретных террористических преступлений, то требуется дополнительная квалификация по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ;

– дифференцированного подхода требует и уголовно-правовая оценка действий создателя террористического объединения, направленных на вербовку участников: вовлечение первоначальных участников полностью охватывается ч. 1 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 208 УК РФ, тогда как привлечение новых членов в ряды уже созданной группы требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ;

– преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 205¹ УК РФ, не охватывается понятием «руководство террористическим объединением» и требует самостоятельной уголовно-правовой оценки.

17. С позиции деятельностного подхода участие в террористическом объединении нельзя считать юридически оконченным преступлением до тех пор, пока лицо, желающее войти в состав соответствующего преступного объединения, не совершит конкретные действия, направленные на обеспечение функционирования группы или выполнение ее задач. Принятие присяги на верность руководителю террористической группы к таким действиям не относится – оно лишь создает условия для участия в соответствующей группе, т.е. образует приготовление к участию в преступном объединении.

Доктринальная и правоприменительная интерпретация участия в преступной группе как длящегося преступления, основанная на концепции преступного

состояния, идет вразрез с аксиоматичными положениями уголовного права, согласно которым преступление может воплощаться лишь в общественно опасном деянии, но не в состоянии или статусе. Участие в террористическом объединении можно позиционировать в качестве длящегося преступления лишь в тех случаях, когда оно выражается в совершении длящегося деяния в интересах группы, например в незаконном хранении арсенала вооружения, в длящейся террористической агитации. В иных ситуациях участие в преступной группе, если оно не прекращено сразу после его юридического окончания, как правило, соответствует признакам продолжаемого преступления.

18. Трактовка вооружения как формы содействия террористической деятельности неразрывно связана не только с особыми свойствами предметов преступления, но и с целью их предоставления, которая позволяет обеспечить релятивизм уголовно-правовой оценки снабжения предметами двойного назначения.

Передача субъекту террористической деятельности огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств требует совокупной квалификации по ст. 205¹ и ст. 222, 222¹ УК РФ, что позволяет должным образом учесть различия между собственно оружием и предметами двойного назначения, обеспечить адекватную дифференциацию уголовной ответственности за вооружение лица в террористических целях.

19. Функциональное предназначение уголовно-правового запрета на финансирование терроризма заключается в криминализации поддержки терроризма путем предоставления финансовой помощи, стоимостные (размерные) характеристики которой не имеют квалифицирующего значения. Вместе с тем не признаются предметом финансирования терроризма средства, которые вообще не могут быть оценены с экономической точки зрения (не обладают стоимостью), такие как вредоносные компьютерные программы.

Уголовная ответственность за финансирование терроризма должна иметь свои пределы. Не могут расцениваться как финансирование терроризма: оказание материальной помощи близкому родственнику, участвующему в террористической деятельности, сугубо из родственных соображений, в обстановке, с очевидностью предполагающей легальное использование переданных средств (например, для погашения задолженности по коммунальным платежам); оказание материальной помощи семье или иным близким лицам террориста; предоставление участнику террористической организации денежных средств для про-

хождения лечения (за исключением случаев, когда заболевание (ранение) связано с террористической деятельностью); осуществление обязательных или жизненно необходимых платежей за товары или услуги (оплата за проезд, приобретение топлива либо продуктов питания и т.п.) лицами, которые помимо воли оказались на территории, подконтрольной террористическим формированиям.

20. Арсенал существующих уголовно-правовых средств воздействия на цифровую инфраструктуру терроризма (ч. 5 ст. 33, п. «р» ч. 1 ст. 63, ч. 1¹, 3 ст. 205¹, гл. 28 УК РФ) не может считаться достаточным: информационная поддержка террористической деятельности посредством оказания услуг администрирования компьютерной системы, предоставления услуг центра обработки данных явно выходит за рамки финансирования терроризма и, как правило, не охватывается положениями об ответственности за пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Учитывая тенденцию цифровизации террористической инфраструктуры, предлагается установить в ст. 205¹ УК РФ уголовную ответственность за информационную поддержку террористической деятельности, конкретизировав при этом, что к ней относятся разработка и (или) предоставление технических компьютерных средств и компьютерного программного обеспечения, деятельность по передаче и обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, в том числе посредством создания и (или) обеспечения функционирования информационного ресурса (сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), администрирование компьютерной системы.

Практика уголовного преследования лиц, оказывающих ИТ-услуги субъектам террористической деятельности, должна приобрести статус международного стандарта (путем внесения дополнений в соответствующие международные документы, в частности в Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке целостной концепции, которая может быть положена в основу оптимизации существующих и разработки новых инструментов уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма с учетом потребностей контртеррористической деятельности. Результаты диссертационного исследования вносят вклад в развитие разделов уголовно-правового учения о соучастии в преступлении, о неоконченном преступлении, о преступлениях против общественной безопасности, а также теории квалификации преступлений, развивают и углубляют научные познания об уголовно-правовом противодействии терроризму. В работе

представлено научно обоснованное решение теоретико-прикладных проблем, связанных с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за преступления, образующие инфраструктуру терроризма.

Прикладное значение диссертационного исследования выражается в том, что его результаты создают надежный теоретический фундамент для практической контртеррористической деятельности.

В частности, результаты исследования могут быть использованы: в нормотворческой практике при оптимизации уголовно-правовых инструментов воздействия на инфраструктуру терроризма; в праворазъяснительной деятельности (в первую очередь для уточнения правовых позиций, сформулированных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1); в правоприменительной практике при уголовно-правовой оценке деяний, образующих инфраструктуру терроризма; в образовательной деятельности учреждений высшего образования в рамках изучения дисциплин уголовно-правового профиля.

О практической значимости диссертационного исследования свидетельствует **апробация его результатов** посредством:

- их внедрения в деятельность Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (акт внедрения от 10.04.2026);
- их использования в образовательной деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации (акты внедрения от 31.03.2026 и от 03.04.2026);
- публикации основных положений диссертационного исследования в 26 научных работах (из них 23 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 1 – в зарубежном издании);
- обсуждения выводов диссертационного исследования на 16 научно-практических форумах, среди которых: Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023, 2025 гг.); I Ежегодная научно-практическая конференция по вопросам развития правосудия и юстиции «Яковлевские чтения» (РАНХиГС, 2023 г.); IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра»

(Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024 г.); III Ярославский юридический форум (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024 г.); X Всероссийская научно-практическая конференция «Конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024 г.); круглый стол «Концепция эффективности наказания в трудах Почетного доктора СПбГУ, проф. И.М. Рагимова (исторические, религиозные, правовые и философские аспекты): к 45-летию научной деятельности» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2024 г.); «Кузнецовские чтения» в рамках XV Московской юридической недели и совместной международной научно-практической конференции «Сила права и право силы: современный контекст» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024 г.); V Всероссийская научно-практическая конференция «Борьба с посягательствами против мира и безопасности человечества, исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне (Долговские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025 г.); XXVIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики» (Сибирский юридический институт МВД России, 2025 г.); Третья международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму» («Сундиевские чтения») (ВНИИ МВД России, 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «V Сибирский юридический форум» (Барнаульский юридический институт МВД России, 2025 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие учения о преступлении и ответственности в уголовном праве XXI века (к 95-летию со дня рождения В.С. Прохорова)» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2025 г.); XI Всероссийская научно-практическая конференция «Прокуратура в системе публичной власти (Сухаревские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025 г.); круглый стол «Участие в преступной группе террористической направленности: проблемы квалификации» (Клуб уголовного права «De lege lata», 2026 г.).

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена: надежным методологическим аппаратом, на котором базируется исследование; последовательным соблюдением требований всесторонности и объективности исследования; репрезентативной эмпирической базой, положенной в основу исследования; возможностью перепроверки теоретических и эмпирических

данных, на которых основана диссертация, что обеспечивает верификацию ее положений и выводов.

Структура диссертации predetermined специфическими особенностями предмета исследования, его целью и задачами. Работа включает введение, основную часть (два раздела, объединяющих шесть глав и шестнадцать параграфов), заключение, список литературы и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Раздел 1 **«Теоретико-методологические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма»** состоит из трех глав, в которых исследованы: понятие, сущность и элементы инфраструктуры терроризма (глава 1); стратегия и теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма (глава 2); инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма (глава 3).

В параграфе **1.1 «Инфраструктура терроризма: понятие и сущность»** отмечается, что терроризм необходимо рассматривать с точки зрения деятельностного подхода как проявление осознанной и целенаправленной человеческой деятельности. Исходя из этого, методологически неверной следует признать попытку определения терроризма как идеологии насилия (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). Терроризм, вне всякого сомнения, представляет собой идеологически окрашенную насильственную деятельность. Но от этого соответствующая идеология не становится составной частью терроризма как такового. Точно так же и причины преступности (ее детерминанты, факторы) продуцируют преступность, но остаются за рамками понятия «преступность».

Системный анализ приводит к выводу, что терроризм представляет собой сложноорганизованную насильственную криминальную деятельность, совершаемую с политическими целями (дестабилизация управленческой деятельности, оказание воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями), которая детерминируется факторами внешней среды и осуществляется под их непосредственным влиянием. При этом специфика терроризма заключается в том, что эти факторы имеют преимущественно «рукотворный» и целенаправленный характер, ведь, как показывает практика, совершение террористических пре-

ступлений практически невозможно без предшествующей деятельности, направленной на вербовку исполнителей, их вооружения, обучения, финансирования. Это подтверждается данными специальных исследований (отечественных и зарубежных).

В секторальных антитеррористических конвенциях и резолюциях Совета Безопасности ООН указанные деяния (вербовка членов террористических групп, пропаганда и финансирование терроризма, вооружение и подготовка в террористических целях, оказание иной помощи) рассматриваются в качестве проявлений терроризма, признаются разновидностью террористических актов. А в национальном российском законодательстве они расцениваются в качестве террористической деятельности наряду с террористическим актом, захватом заложников, что размывает понятие терроризма, выхолащивает его содержание.

Финансирование, вне всякого сомнения, выступает в качестве мощнейшей детерминанты терроризма, но в системно-структурном отношении это деяние нельзя считать терроризмом как таковым. С точки зрения системного подхода финансирование следует рассматривать как внешнее по отношению к терроризму явление, как фактор внешней среды, под воздействием которого совершаются собственно террористические преступления. Причем это в полной мере относится и к вербовке членов террористических групп, публичным призывам к терроризму и его пропаганде, вооружению и подготовке террористов, прохождению обучения в террористических целях.

Сущность этих преступлений в рамках системного подхода можно отразить посредством концепта «инфраструктура терроризма». Применительно к исследуемой проблематике особого внимания заслуживает деятельностный аспект инфраструктуры. В качестве инфраструктуры терроризма следует рассматривать не материальные активы, технологии и цифровые продукты, которые задействуются для подготовки и совершения террористических преступлений (большинство из них относится к средствам и технологиям двойного назначения либо имеет общедоступный характер), а деятельность, направленную на их создание, приспособление, приобретение, предоставление и использование в целях совершения террористических преступлений. Аналогичным образом, т.е. на основе деятельностного подхода, целесообразно рассматривать и иные составные элементы инфраструктуры терроризма.

С учетом изложенного под инфраструктурой терроризма предложено понимать умышленные общественно опасные деяния, направленные на формирование

и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма.

Концепция инфраструктуры, базирующаяся на постулатах системного подхода, обладает значительным гносеологическим потенциалом и может быть продуктивно использована в рамках исследования феноменологии терроризма. В частности, эта концепция позволяет: подчеркнуть, что терроризм как сложный системный объект не может существовать в отрыве от его идеологической, кадровой, информационной, материально-технической и организационно-управленческой инфраструктуры; показать тесную функциональную связь терроризма и его инфраструктуры; продемонстрировать объективно существующее различие между *ненасильственными* общественно опасными деяниями, формирующими идеологическую, кадровую, информационную, ресурсную основу терроризма, и собственно терроризмом, *сущность которого заключается в насилии*, применяемом с целью устрашения населения, дестабилизации государственной власти, оказания воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями; углубить представления о причинном комплексе терроризма, разграничить внутри него политические и социально-экономические факторы, способствующие радикализации и распространению терроризма, и целенаправленные деяния, которые детерминируют террористическую активность и выступают тем самым в качестве инфраструктуры терроризма; создать основу для классификации и систематизации преступлений террористической направленности.

В параграфе 1.2 «**Основные элементы инфраструктуры современного терроризма**» констатируется, что инфраструктура терроризма, обслуживая основную систему (терроризм) и обеспечивая ее функционирование, сама по себе является сложным системным объектом. Террористическая инфраструктура построена по принципу разделения труда: ее элементы выполняют разные функции, но при этом каждый из элементов работает на общую цель – детерминацию и воспроизводство терроризма. Несмотря на динамичное изменение качественных характеристик деяний, детерминирующих террористические атаки, системный подход к их изучению фиксирует стабильность базовых параметров террористической инфраструктуры – ее функций и составных элементов.

Структурно-функциональный анализ позволяет выделить следующие элементы инфраструктуры терроризма:

– действия, направленные на воспроизводство кадров для террористических преступлений (персонафицированная и обезличенная вербовка), их подготовку, террористическую агитацию (*кадровая и идеологическая инфраструктура*);

– деяния, обеспечивающие финансирование, вооружение и иное материально-техническое снабжение субъектов террористической деятельности (*материально-техническая инфраструктура*);

– действия, направленные на создание преступных объединений террористической направленности, руководство ими, участие в их деятельности (*организационно-управленческая инфраструктура*);

– деяния, направленные на создание и развитие технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности (*информационная (цифровая) инфраструктура*).

Обозначив основные параметры, тенденции и закономерности перечисленных элементов террористской инфраструктуры, соискатель подчеркивает, что они имеют двойной функционал: во-первых, детерминируют совершение насильственных террористических преступлений, обслуживая тем самым основную систему (терроризм); во-вторых, каждый из них выполняет внутренние функции – способствует успешной работе других элементов, обеспечивая мобилизацию инфраструктуры терроризма как подсистемы (успешная кадровая работа является залогом стабильного пополнения террористического «общака»; адаптация современных цифровых продуктов и технологий под террористические нужды позволяет вести террористическую агитацию, вербовать новых сторонников, обеспечивать финансирование; эффективная организационно-управленческая деятельность террористических объединений приводит к расширению кадровых и материально-технических ресурсов).

Четкое понимание тесной функциональной взаимосвязи инфраструктурных элементов терроризма должно стать отправной точкой для определения конкретных направлений противодействия террористической угрозе. Инфраструктура терроризма – это сложная и эффективно работающая подсистема, элементы которой отличаются высочайшей степенью интеграции, а потому концентрация контртеррористических усилий лишь на одном из инфраструктурных элементов окажется малопродуктивной. Здесь нужен комплексный подход, предполагающий системное воздействие на все элементы террористической инфраструктуры.

В параграфе 2.1 «**Превентивный поворот**» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму» отмечается, что на протяжении многих веков в странах континентального и общего права объектом криминализации выступала триада деяний – исполнение преступления, неоконченное преступление (главным образом покушение) и соучастие в преступлении. Такой подход к криминализации реализован и в контртеррористических конвенциях ООН, принятых во второй половине XX в.: в них оговаривается, что преступлением признается не только исполнение террористических преступлений, но и покушение на их совершение, а также соучастие в них.

Однако этот традиционный подход к криминализации деяний в приложении к терроризму недостаточно эффективен, поскольку «стандартные» уголовно-правовые конструкции, предусматривающие ответственность за исполнение акта терроризма, покушение на него и соучастие в нем, не охватывают многие деяния, выступающие в качестве инфраструктуры терроризма. В частности, они практически не применимы к финансированию терроризма, вербовке в террористические объединения, пропаганде терроризма, инструктированию членов террористических групп и прохождению обучения в террористических целях: во-первых, перечисленные деяния, как правило, совершаются на стадии подготовки террористического нападения (приготовления к нему), что не позволяет применить нормы об ответственности за покушение на террористический акт; во-вторых, эти деяния чаще всего находятся за рамками соучастия в преступлении (нет требуемого единства умысла на совершение конкретного преступления). На этом фоне стала очевидной потребность в перенастройке механизмов уголовно-правового противодействия терроризму, в переносе уголовно-правового воздействия на деяния, которые продуцируют терроризм и образуют его инфраструктуру.

Стратегический сдвиг в уголовно-правовом противодействии терроризму произошел на рубеже XX и XXI вв. Признав стратегию «реактивного правоприменения» неэффективной, национальные государства и международное сообщество в целом сосредоточили усилия на разработке новых уголовно-правовых инструментов, позволяющих применять уголовную репрессию для раннего предупреждения террористических нападений, т.е. на стадии их планирования и подготовки, когда осуществляются вербовка членов террористических групп, их обучение, финансирование и иное материально-техническое снабжение. Таким

образом, на смену «реактивному правоприменению», доказавшему свою ограниченность и неэффективность, пришла превентивная, «проактивная» контртеррористическая стратегия, которая смещает вектор уголовно-правового воздействия в направлении деяний, образующих инфраструктуру терроризма.

Точкой отсчета в практической реализации стратегии «проактивного правоприменения» можно считать 1999 г., когда была принята Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Новый стратегический подход к борьбе с терроризмом получил последовательное развитие в резолюциях 1373 (2001), 1624 (2005), 2178 (2014), 2253 (2015), 2462 (2019) Совета Безопасности ООН, в которых конкретизированы предписания о криминализации финансирования терроризма, а также установлена обязанность всех государств – членов ООН ввести уголовную ответственность за приготовление к совершению террористических преступлений, оказание поддержки в совершении террористических актов, подстрекательство к их совершению, поездки, вербовку, обучение и финансирование иностранных боевиков-террористов, т.е. за деяния, образующие инфраструктуру терроризма.

Стратегический сдвиг в уголовно-правовой борьбе с терроризмом, ее переориентация на противодействие инфраструктуре терроризма наблюдаются на всех уровнях: универсальном, региональном, национальном. Причем в настоящее время превентивный подход к уголовно-правовому противодействию терроризму реализуется в законодательстве подавляющего большинства государств мира, вне зависимости от формы правления, территориального устройства и политического режима, что служит веским доказательством его эффективности.

В параграфе 2.2 **«Теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма»** отмечается, что профилактические «акценты» в уголовно-правовом противодействии террористической угрозе стали результатом сознательной и целенаправленной практической реализации ряда теоретических и уголовно-политических концептов.

В качестве теоретической платформы проактивной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма выступают научные положения и концепты, синтезирующие основные достижения:

1) теории раннего предупреждения преступности, постулаты которой реализуются посредством «превентивной криминализации» ненасильственных деяний, создающих условия и возможности для совершения террористических актов (ст. 205¹–205⁵, 208 УК РФ), а также путем переноса момента юридического

окончания этих деяний на начальный этап преступной деятельности. Новые нормативные конструкции позволяют осуществлять уголовно-правовую превенцию не только на ранних, но и на сверхранних стадиях террористической активности – на этапе создания предпосылок для формирования террористической мотивации и преступного умысла. Конечно же, это не предполагает возложения ответственности за обнаружение умысла, речь идет о другом: о возможности раннего уголовно-правового воздействия на лиц, распространяющих террористическую идеологию, создающих возможности и условия для криминального «заражения» других людей. В этом смысле ст. 205² УК РФ можно считать инструментом сверхранней профилактики, поскольку она призвана не допустить распространение идеологии терроризма;

2) концепции ситуационного предупреждения преступлений, с учетом которой вектор уголовной репрессии смещается на инфраструктуру терроризма, т.е. на факторы внешней среды (ситуационные факторы). Установление уголовной ответственности за вооружение, подготовку, финансирование субъектов террористической деятельности, вербовку террористов, публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма, прохождение обучения в террористических целях, создание террористических групп и участие в них полностью вписывается в логику ситуационной модели предупреждения преступности;

3) учения об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией, практическая реализация которого предполагает криминализацию деяний, выступающих в качестве криминогенных факторов («пред-преступлений»). Двойной превентивный эффект уголовно-правовых норм, предназначенных для воздействия на инфраструктуру терроризма, объясняется тесной связью инфраструктурных террористических деяний и собственно террористических актов. В механизме детерминации инфраструктурные деяния расположены максимально близко к террористическим актам, что отличает их от иных криминогенных факторов, таких как доступность средств и орудий совершения преступления, недостаточная защищенность объектов, «фоновые явления» преступности. В этом смысле уголовно-правовые нормы, предназначенные для воздействия на инфраструктуру терроризма, можно с полным основанием отнести к нормам с наибольшим двойным превентивным эффектом (по крайней мере потенциальным);

4) экономического подхода к предупреждению преступности, положения

которого реализуются: в практике пенализации инфраструктурных террористических деяний (низкая вероятность привлечения к уголовной ответственности за преступные деяния, образующие инфраструктуру терроризма, компенсируется повышением санкций, что соответствует логике экономического подхода к предупреждению преступности); при конструировании и применении отдельных уголовно-правовых норм, обеспечивающих «упрощенную квалификацию» (например, ст. 205⁵ УК РФ).

В параграфе 3.1 «Институт соучастия в преступлении и нормы об ответственности за соучастие *sui generis* как инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма» констатируется, что положения об акцессорной ответственности соучастников и единстве их умысла с неизбежностью ограничивают сферу применения института соучастия в преступлении к деяниям, образующим инфраструктуру терроризма. За пределами классического института соучастия, построенного на акцессорных началах, остаются: так называемое неудавшееся соучастие, т.е. организационная, подстрекательская, пособническая деятельность, которая не завершилась исполнением террористического акта (нападения); различные формы содействия совершению террористических преступлений, осуществляемые с неопределенным умыслом, в отсутствие двусторонней субъективной связи между исполнителем и содействующими ему лицами. Указанные деяния хотя и не создают соучастия в преступлении, но обладают достаточно высокой общественной опасностью, что требует адекватного уголовно-правового реагирования.

Преодолеть отмеченную недостаточность института соучастия в преступлении можно либо посредством отказа от положений акцессорного соучастия и построения этого института на основе доктрины персональной (личной) ответственности соучастников, либо за счет конструирования самостоятельных нормативных оснований уголовной ответственности за деяния, создающие условия и возможности для совершения террористических преступлений другими лицами, т.е. норм об ответственности за соучастие *sui generis* (особого рода).

В международном и в отечественном уголовном праве, как известно, реализован второй подход, предполагающий криминализацию инфраструктурных террористических деяний в качестве самостоятельных преступлений, акцессорно не связанных с непосредственным исполнением насильственных террористических нападений. Выполняя свои международные обязательства в области

борьбы с терроризмом, Российская Федерация имплементировала во внутригосударственное уголовное законодательство большинство международно-правовых норм об ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, включая нормы о соучастии особого рода (ст. 205¹, 205² УК РФ, ч. 1 ст. 208 УК РФ (в части ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования)). Эти нормы построены на началах самостоятельной ответственности соучаствующих субъектов, что дает целый ряд преимуществ в плане раннего уголовно-правового предупреждения и проактивного правоприменения. Во-первых, для применения самостоятельных норм о соучастии в террористических преступлениях не нужно дожидаться, чтобы исполнитель совершил преступление, тогда как классическое соучастие невозможно без исполнения общего для всех соучастников преступного деяния. Во-вторых, достоинство самостоятельных норм об ответственности лиц, осуществляющих организаторские, подстрекательские, пособнические функции, заключается в том, что они преодолевают «стадийную» акцессорную зависимость квалификации деяний соучастников, характерную для классического соучастия (ч. 5 ст. 34 УК РФ). Нормы о соучастии *suī generis* не увязывают уголовно-правовую оценку соучастных деяний с квалификацией исполнительских действий (в том числе с их завершенностью), а переносят акцент на личные действия соучастника: как только соучастник выполнил свою криминальную функцию, соучастие особого рода образует окончанный состав преступления. В-третьих, самостоятельные составы соучастия в террористических преступлениях не предполагают столь строгих субъективных оснований уголовной ответственности, которых требует классическое соучастие. Таким образом, практика конструирования норм о соучастии особого рода соответствует международным стандартам и стратегии «проактивного правоприменения».

В то же время в технико-юридическом плане и в содержательном отношении анализируемые нормы (в особенности ст. 205¹ УК РФ) сконструированы весьма неудачно. Главный их недостаток заключается в том, что эти нормы, функционально предназначенные для компенсации объективной недостаточности классического института соучастия, стали применяться не в дополнение к нему, а вместо него. Концептуальная идея, предопределяющая потребность в нормах о соучастии *suī generis*, состоит в том, чтобы *дополнить* потенциал института соучастия в преступлении, создать нормативные основания для уго-

ловно-правового реагирования на деяния, которые не охватываются общими положениями о соучастии. Однако эта идея оказалась искажена до неузнаваемости: в науке и правоприменительной практике предписания о соучастии особого рода воспринимаются как специальные нормы, имеющие безусловный приоритет по отношению к положениям гл. 7 УК РФ. В результате нормы о соучастии *sui generis* получили ведущую роль, стали главным инструментом уголовно-правового реагирования на совместную террористическую деятельность, тогда как институт классического соучастия по остаточному принципу применяется лишь к тем деяниям, которые не предусмотрены нормами о соучастии особого рода.

С точки зрения диссертанта, столь резкий крен в сторону норм о соучастии *sui generis* не вполне оправдан. Классический институт соучастия в преступлении, при всех его известных недостатках и пробелах, имеет неоспоримое преимущество в плане полноты, всесторонности и точности уголовно-правовой оценки. В рамках этого института ответственность организатора, подстрекателя, пособника увязывается, с одной стороны, с общественной опасностью преступления, в котором они соучаствовали, а с другой стороны, с их ролью в совершении этого преступления, что формирует целостную, панорамную картину, создает возможности для дифференцированного и индивидуализированного уголовно-правового воздействия. Нормы о соучастии особого рода (по крайней мере в существующем виде) к «тонкой настройке» уголовно-правовой репрессии не приспособлены. Они стирают различия в характеристиках террористического преступления, в котором соучаствовал виновный, уравнивают деяния, обладающие несовпадающей общественной опасностью (результативное и неудавшееся соучастие; соучастие в преступлении с основным, квалифицированным и особо квалифицированным составом; соучастие в террористических преступлениях, относящихся к разным категориям тяжести).

С учетом вышеизложенного уголовно-политическая и правоприменительная концентрация на нормах о «специальном» соучастии представляется неоправданной. Приоритетом в правоприменении все-таки должны обладать нормы классического института соучастия в преступлении, а нормы о соучастии *sui generis*, функционально предназначенные для восполнения недостатков института соучастия, должны вступать в действие лишь при невозможности применения положений Общей части УК РФ о соучастии. Предложенное разграничение сфер действия исследуемых уголовно-правовых инструментов позволит обеспечить баланс общих нормативных положений о соучастии в преступлении

и самостоятельных норм об ответственности за соучастные деяния, воспользоваться преимуществами классического института соучастия, компенсируя при необходимости его пробелы и недостатки за счет норм о соучастии особого рода, что создаст нормативные основания для беспробельного уголовно-правового противодействия различным формам содействия терроризму.

Диссертант отмечает, что в действующем законодательстве наблюдается неоправданное «дробление» составов соучастия *sui generis*: для каждого специального соучастника предусмотрен отдельный состав, а ответственность за специальное пособничество предусмотрена посредством конструирования пяти (!) самостоятельных составов преступления. В результате выполнение различных по функционалу соучастных действий расценивается в правоприменительной практике как совокупность преступлений (например, совокупность специального подстрекательства и исполнения, специального подстрекательства и специального пособничества, специальной организации и пособничества), несмотря на то что лицо фактически участвовало (пусть и в разных ролях) в совершении одного и того же преступления.

Представляется, что такая квалификация несовместима с канонами справедливости. В обсуждаемой ситуации лицо своими действиями объективно соучаствует в совершении *одного* преступления. То обстоятельство, что это лицо выполняет в этом преступлении разные криминальные функции, не превращает «специальное» соучастие в совокупность преступлений. Нормативные конструкции соучастия *sui generis* предназначены для того, чтобы создать основания ответственности за деяния, которые не охватываются рамками классического соучастия, но вовсе не для мультипликации (удвоения, утроения) ответственности. А потому содействие в совершении одного и того же террористического преступления, проявившееся в функционально несовпадающих действиях (например, финансирование и вооружение, организация и вербовка), необходимо расценивать в качестве единичного преступления.

Исключить совокупную квалификацию разных проявлений содействия в совершении одного преступления можно за счет конструирования состава с альтернативными деяниями, в рамках которого будут нормативно описаны все криминальные функции, характерные для соучастия особого рода.

В параграфе **3.2 «Институт неоконченного преступления и самостоятельные нормы об ответственности за przygotowительную деятельность как**

инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма» отмечается, что центральная идея проактивной стратегии уголовно-правового противодействия терроризму заключается в том, чтобы применять уголовную репрессию к субъектам террористической деятельности уже на первоначальных этапах криминальной активности, не дожидаясь, пока она воплотится в совершение террористического нападения.

Как известно, в уголовном праве большинства стран мира не предусмотрена ответственность за приготовление к преступлению. По общему правилу считается, что единоличная преступная деятельность требует уголовно-правовой реакции, начиная со стадии покушения на преступление. Причем такой подход реализуется в уголовном законодательстве стран общего и континентального права (в этом плане они весьма похожи). Впрочем, это вовсе не означает, что приготовительные по своему характеру действия полностью остаются вне сферы действия уголовной репрессии. Не предусматривая общих предписаний об ответственности за приготовление к преступлению, уголовное законодательство большинства государств криминализует на уровне Особенной части отдельные виды приготовительных действий, которые представляют наибольшую опасность, с точки зрения национального законодателя.

Для уголовно-правового воздействия на лиц, осуществляющих подготовку к совершению преступления, как правило, используются (самостоятельно либо в сочетании) две нормативные конструкции, которые отличаются друг от друга в плане оснований и пределов ответственности:

- *конструкция преступного сговора*, которая предполагает, что соглашение двух или более лиц, способных нести ответственность, о совершении преступления признается самостоятельным криминальным деликтом, даже если преступление не было исполнено;

- *самостоятельные уголовно-правовые нормы об ответственности за создание преступных групп (сообществ, объединений)*, которые позволяют криминализовать организационную деятельность, направленную на формирование объединений, преследующих преступную или иную противоправную цель, а также участие в таких объединениях.

Оценивая российскую модель уголовной ответственности за подготовку террористических преступлений, соискатель отмечает, что она имеет сложный, комплексный характер. УК РФ выставляет целый ряд «барьеров», предназначен-

ных для раннего противодействия террористической активности, которые образуют многоуровневую систему. Во-первых, УК РФ содержит предписания об ответственности за приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30), которые применимы к любым прямоумышленным преступлениям, относящимся к категории тяжких и особо тяжких (ч. 2 ст. 30), что нехарактерно для большинства зарубежных стран. Во-вторых, в УК РФ включены уголовно-правовые предписания об ответственности за отдельные проявления приготовления к террористическим преступлениям – создание террористических объединений, руководство ими и участие в них (ст. 205⁴, 205⁵, 208), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³). Самостоятельные нормы об ответственности за приготовление *sui generis* расширяют стандарты установления субъективной связи приготовительных деяний с планируемыми террористическими преступлениями и позволяют преодолевать категориальные ограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 30 УК РФ.

В диссертации отмечается, что эффективное уголовно-правовое противодействие ранним стадиям преступной деятельности требует системного подхода, основанного на сочетании различных уголовно-правовых средств и инструментов. Самостоятельные нормы об ответственности за приготовление *sui generis* обеспечивают реагирование на наиболее опасные проявления приготовительной деятельности, в то время как общие положения о приготовлении к преступлению (ч. 1, 2 ст. 30 УК РФ):

- выполняют «резервную» функцию, срабатывая в тех случаях, когда предкриминальное поведение не охватывается нормами о приготовлении особого рода, что позволяет обеспечить беспробельное регулирование. Эта «резервная» функция крайне востребована и в настоящее время: нормы о приготовлении особого рода, нацеленные на противодействие организованной приготовительной деятельности (создание преступных объединений и участие в них), не охватывают одиночное приготовление к преступлению, а также групповое приготовление, осуществленное лицами, не входящими в состав организованной группы, что вынуждает задействовать профилактический и охранительный потенциал общих предписаний о приготовлении;

- создают нормативные основания для реагирования на приготовление к соучастию особого рода или к «специальному» приготовлению, криминализованному в Особенной части УК РФ. В частности, раннепревентивный потенциал

общих предписаний об ответственности за приготовление к преступлениям довольно эффективно используется для привлечения к ответственности лиц, которые создают условия для совершения инфраструктурных террористических деяний (например, приобрели билеты для поездки с целью вступления в международную террористическую организацию, вступили в сговор с вербовщиками о предстоящей поездке в лагерь для подготовки боевиков).

Такой подход позволяет выстроить систему уголовно-правовых средств противодействия przygotowательной террористической деятельности по принципу «эшелонированной обороны»: в качестве «первого эшелона» выступает универсальная норма о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ); на «втором рубеже» задействуются самостоятельные нормы о приготовлении особого рода (ст. 205³, 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ); при этом общая норма о приготовлении при необходимости подключается к нормам «второго эшелона» для уголовно-правового реагирования на сверхранные стадии террористической деятельности (приготовление к приготовлению *sui generis*, приготовление к соучастию особого рода).

Признавая обоснованность дуалистичного подхода к противодействию ранним стадиям террористической активности, базирующегося на взаимодействии общих и специальных предписаний об ответственности за приготовление к преступлению, соискатель обращает внимание на сверхпенализацию проявлений przygotowательной террористической деятельности, криминализованных на уровне гл. 24 УК РФ; указывает, что на практике нормы о приготовлении особого рода применяются одновременно с общими нормами о приготовлении к преступлению, вследствие чего одни и те же przygotowательные действия нередко получают двойную, а иногда даже тройную уголовно-правовую оценку (эта проблема наглядно проявляется при квалификации прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, при уголовно-правовой оценке создания террористических групп и участия в них). Представляется, что баланс между интересами обеспечения общественной безопасности с одной стороны и недопустимостью двойной ответственности за одни и те же przygotowательные действия с другой стороны должен быть обеспечен посредством четкой регламентации правил преодоления конкуренции между общими предписаниями уголовного закона о наказуемости приготовления и специальными нормами об ответственности за приготовление особого рода, а также за счет устранения необоснованного дублирования этих специальных норм.

Раздел 2 диссертации «Основные направления уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма» состоит из трех глав, посвященных уголовно-правовому воздействию на кадровую и идеологическую (глава 1), организационно-управленческую (глава 2), материально-техническую и информационную (глава 3) инфраструктуру терроризма.

В параграфе **1.1 «Уголовно-правовое противодействие деяниям, побуждающим к совершению преступлений террористического характера»** представлена уточненная уголовно-правовая характеристика вовлечения в совершение террористических деяний (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ) и публичных призывов к террористической деятельности (ст. 205² УК РФ).

В работе отмечается, что вовлечение в совершение преступления террористического характера, в отличие от классического подстрекательства, может быть направлено как на «годных», так и на «негодных» субъектов (невменяемых, не достигших возраста уголовной ответственности, введенных в заблуждение). Следовательно, предусмотренное ст. 205¹ УК РФ вовлечение может проявлять себя не только в форме подстрекательства *suī generis*, но и в форме посредственного исполнения преступления, при котором в качестве фактического причинителя вреда выступает лицо, не обладающее признаками субъекта преступления либо в силу заблуждения не способное осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого им деяния. В последнем случае совершение террористического преступления руками невиновно действующего или иного «негодного» субъекта образует идеальную совокупность преступлений – посредственного исполнения террористического деяния и вовлечения другого лица в его совершение.

Исходя из этого, представляется неверным дефинировать вовлечение в контексте ст. 205¹ УК РФ исключительно через формирование умысла, желания, решимости, готовности к совершению преступлений террористического характера, ведь такое психическое отношение могут проявлять далеко не все вовлекаемые лица, а лишь те, которые способны нести уголовную ответственность и осознают, во что их вовлекают. Точнее определять вовлечение в совершение преступлений террористического характера как действия, направленные на склонение или иное привлечение других лиц (вне зависимости от их способности нести уголовную ответственность) к террористической деятельности путем убеждения, принуждения, воздействия на психику интеллектуально беспомощных субъектов или обмана.

Особое внимание уделено поиску критериев разграничения вовлечения в совершение преступлений террористического характера и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Чтобы определить эти критерии, необходимо понять, почему законодатель дифференцированно оценивает общественную опасность указанных деяний (санкции ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ намного строже санкций ст. 205² УК РФ).

В работе доказывается, что существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, – в общественной опасности) указанных побудительных высказываний (вовлечения и публичных призывов) связаны с уровнем конкретики соответствующих высказываний, со степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования эмпирически подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка конкретных, инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим побудительным эффектом, чем призывы и слова общего характера. Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга: склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим побудительным воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности, не имеющие конкретики.

По мнению диссертанта, адресная персонификация (воздействие на конкретное лицо или группу персонально определенных лиц) не может считаться универсальным, обязательным признаком вовлечения в совершение преступлений террористического характера. Оно может иметь как индивидуализированную (в большинстве случаев), так и неперсонифицированную (гораздо реже) адресную направленность. А значит, критерии разграничения вовлечения и публичных призывов кроются не в адресной направленности соответствующих деяний (она может совпадать), а в содержании побудительных высказываний, точнее, в степени их конкретности.

Конкретика подстрекательства заключается в том, что подстрекатель склоняет другое лицо к преступлению определенного вида (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация). Этот тезис в полной мере распространяется и на специальное подстрекательство, криминализованное в ст. 205¹ УК РФ, что отличает его от публичных призывов к террористической деятельности, для которых характерна гораздо меньшая степень конкретизации побудительных

высказываний. Публичные призывы, будучи разновидностью криминогенного побуждения, не предполагают точных, индивидуализированных указаний на объект террористического нападения, способ, время его совершения, но при этом содержат лингвистические и психологические признаки склонения к террористическому преступлению определенного вида.

Констатируя тенденцию к расширительной трактовке публичности призывов, соискатель указывает, что она имеет вполне прагматичное объяснение.

Во-первых, единственным критерием, позволяющим отграничить вовлечение в совершение преступления террористического характера от публичных призывов к террористической деятельности, выступает степень конкретизации побудительных высказываний. Их адресная направленность (индивидуальная или обезличенная) в этом плане не имеет уголовно-правового значения, поскольку при фактической конкретизации преступления, к которому осуществляется склонение (конкретизация места, способа, времени, других обстоятельств), такое побуждение требует квалификации по ч. 1 или ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ. Вследствие этого в трактовке публичности применительно к ст. 205² УК РФ акцент закономерно переносится на количественный критерий (в отношении или в присутствии нескольких лиц).

Во-вторых, субъекты антитеррористической уголовно-правовой политики исходят из того, что любые высказывания и действия, побуждающие к совершению преступления террористического характера, требуют уголовно-правовой реакции. А поскольку инструментарий реагирования на «террористический рекрутинг» ограничен двумя статьями, то логика уголовно-правовой оценки действий, побуждающих к террористической деятельности, приобретает бинарный характер: или ст. 205¹ – или ст. 205² УК РФ. Разрешая эту квалификационную дилемму, правоприменительные органы придают приоритетное значение ст. 205¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера, полагая, что ст. 205² УК РФ должна применяться по остаточному принципу в тех случаях, когда побудительные высказывания не имеют требуемой фактической (индивидуальной) конкретики, необходимой для применения ст. 205¹ УК РФ. Причем, с точки зрения правоприменителей, ст. 205² УК РФ, выполняя функцию «запасной нормы», должна «перекрывать» все проявления побудительных действий, которые не охватываются ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ, или по крайней мере большинство из них. А для

этого признак публичности призывов надо трактовать как можно шире, ориентируясь исключительно на количественный критерий.

В параграфе 1.2 «Уголовная ответственность за публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма» отмечается, что публичное оправдание терроризма и его пропаганда не предполагают прямого побудительного воздействия, характерного для вовлечения в совершение преступлений террористического характера или публичных призывов к террористической деятельности. Вместе с тем они формируют террористическую идеологию, обстановку приемлемости терроризма, создают нездоровый социальный климат, располагающий к совершению террористических преступлений.

Отмечая глубокую теоретическую проработку вопросов, связанных с уголовно-правовой характеристикой публичного оправдания терроризма, диссертант указывает, что в доктрине не получила должного рассмотрения проблема взаимосвязи публичного оправдания терроризма с предикатными преступлениями, которые выступают в качестве предмета апологетики. Между тем анализ публичного оправдания терроризма сквозь призму теоретического учения о прикосновенности к преступлению в гносеологическом плане представляется весьма продуктивным. В этом ракурсе рельефно высвечивается тесная связь публичного оправдания с предикатным террористическим деянием, которая значима для решения целого ряда квалификационных проблем.

В результате исследования автор приходит к следующим выводам:

– предметом публичного оправдания терроризма могут выступать не только совершенные или совершаемые террористические преступления, но и террористическая деятельность как таковая, вне привязки ее к какому-то конкретному совершенному преступлению. А потому процессуальное решение об отсутствии признаков состава террористического преступления в деянии «негодного» (малолетнего или невменяемого) субъекта не может служить препятствием для применения ст. 205² УК РФ к лицу, выступившему с публичным оправданием фактически совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного антитеррористическими статьями Особенной части УК РФ;

– квалификационная зависимость между предикатным террористическим деянием и его публичным оправданием приобретает обязательное значение лишь в тех случаях, когда предметом публичного оправдания становится конкретное деяние, соответствующее признакам состава преступления. Для приме-

нения ст. 205² УК РФ необходимо, чтобы предикатное деяние было квалифицировано как террористическое. Если же предикатное деяние получит иную квалификацию (например, по ст. 281 УК РФ), то состав публичного оправдания отсутствует;

– применительно к ст. 205² УК РФ юридическая характеристика преступления, ставшего предметом публичного оправдания (его террористическая направленность), приобретает статус обязательного признака состава. Если предметом публичного оправдания стало фактически совершенное преступление (а не абстрактная террористическая деятельность), то для применения ст. 205² УК РФ необходимо установить, что умыслом лица охватывался террористический характер этого деяния. Добросовестное заблуждение лица относительно характера предикатного преступления, ставшего предметом оправдания (такое заблуждение, в частности, может возникнуть на основе информации из официальных источников), исключает ответственность по ст. 205² УК РФ.

Оценивая социально-правовую обоснованность законодательного решения о дополнении ст. 205² УК РФ предписаниями об ответственности за пропаганду терроризма, диссертант приходит к выводу о том, что оно преследовало простую и понятную цель – создать нормативные основания для уголовно-правового противодействия тем формам и проявлениям террористической агитации, которые не охватывались действующими на тот момент ст. 205¹ и 205² УК РФ. В частности, вне сферы применения ст. 205¹ и 205² УК РФ оставались: призывы, имеющие абстрактный характер, что не позволяет определить вид деяний, к которым призывает агитатор (призывы к джихаду, к борьбе с неверными, к мести кафирам и т.п.); призывы к террористической деятельности, оправдание терроризма, если они обращены к одному лицу; террористическая агитация, акцентированная не на прямом побуждении к террористической практике, а на продвижении террористической идеологии (ознакомление других лиц с программными документами террористической организации и т.п.).

После криминализации пропаганды терроризма ст. 205¹ и 205² УК РФ «перекрывают» практически все проявления террористической агитации, чего, собственно говоря, и добивался законодатель. Публичность не названа в числе признаков пропаганды терроризма, причем это нельзя списать на технико-юридические просчеты: законодатель недвусмысленно дает понять, что пропаганда терроризма может быть нацелена на одно лицо, о чем свидетельствует словосочета-

ние «направленных на формирование у *лица* ...». Тем самым решена существовавшая проблема, связанная с невозможностью уголовно-правового противодействия идеологической террористической «обработке» одного человека.

По результатам проведенного исследования констатируется, что разграничить публичное оправдание терроризма и его пропаганду по содержательному критерию невозможно. Это малопродуктивное занятие, поскольку предписания об ответственности за пропаганду терроризма выполняют «резервную» функцию – они задействуются, активируются в случае, если не сработали предписания об ответственности за иные деяния, альтернативно перечисленные в ст. 205² УК РФ, или за вовлечение в совершение преступлений террористического характера (ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ). Если для применения ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ недостаточно конкретики побуждающих высказываний, а для констатации состава публичных призывов к террористической деятельности недостает количества адресатов, то можно вменять пропаганду терроризма по признаку направленности информации на формирование представлений «о допустимости осуществления террористической деятельности». В результате выстраивается понятная (по крайней мере на уровне теоретических обобщений) система критериев разграничения террористических деяний, включающих элементы побуждения (склонения):

- если побудительные высказывания (обращения) содержат видовую и фактическую конкретизацию преступления, к которому побуждается лицо (группа лиц), содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 1¹ ст. 205¹ УК РФ как вовлечение в совершение деяния террористического характера;

- если высказывания конкретизируют лишь вид преступления, то при наличии нескольких адресатов следует констатировать признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ);

- если же высказывания и обращения, убеждающие в допустимости осуществления террористической деятельности, не конкретизируют вид преступления, то они могут расцениваться как пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ).

В параграфе **1.3 «Террористическая агитация в сети «Интернет»: проблемы уголовно-правовой оценки»** констатируется, что квалифицирующее обстоятельство, введенное в ч. 2 ст. 205² УК РФ Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ (использование информационно-телекоммуникационных сетей, далее также – ИТС), по большинству параметров не соответствует требо-

ваниям, предъявляемым к квалифицирующим признакам. Использование информационно-телекоммуникационных сетей нельзя считать обстоятельством, однозначно и безусловно повышающим степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ. Не проходит оно проверку и на предмет соответствия количественным параметрам, характеризующим распространенность квалифицирующего признака: использование ИТС является базовой характеристикой рассматриваемого преступления – это квалифицирующее обстоятельство констатируется в 9 из 10 случаев террористической агитации. Получается, что сфера применения квалифицированного состава преступления, выделенного по признаку использования сети «Интернет», намного шире сферы применения основного состава, что явно противоречит канонам теоретического учения о дифференциации уголовной ответственности. С учетом вышеизложенного имеются все основания для отказа от дифференциации уголовной ответственности за предусмотренное ст. 205² УК РФ преступление в зависимости от способа (офлайн или онлайн) распространения информации, содержащей призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма.

В результате проведенного исследования соискатель приходит к выводу о делящемся характере публичных призывов к террористической деятельности, публичного оправдания терроризма, пропаганды терроризма, размещенных в интернет-пространстве, обосновывая этот вывод постулатами теоретического учения о делящихся преступлениях, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

В параграфе **1.4 «Уголовная ответственность за подготовку и прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений»** отмечается релятивизм понятия «подготовка» в контексте ст. 205¹ УК РФ. Ключевое значение для констатации предусмотренного ст. 205¹ УК РФ альтернативного деяния в виде подготовки лица приобретает цель подготовки, в качестве которой выступает совершение обучающимся одного или нескольких преступлений террористического характера. При наличии указанной цели криминальную окраску получает передача даже социально одобряемых, полезных знаний, умений и навыков (например, обучение вождению, если навыки управления транспортным средством планируется использовать для террористической деятельности). Телеологическая детерминированность границ объективной стороны преступления характерна и для прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ).

Криминализация прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ) вызвала неоднозначную реакцию в научном сообществе. Основанием для критики послужили не только технико-юридические недостатки ст. 205³ УК РФ (недостаточная определенность, неудачная формулировка цели и т.д.) и завышенные пределы санкции, предусмотренной за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, но и сама концепция криминализации приговорительной террористической деятельности на уровне Особенной части УК РФ, реализация которой создает риски двойного вменения. Причем эти опасения во многом оправданны. Анализ правоприменительной практики показывает, что в некоторых случаях одни и те же действия лица, проходящего обучение в целях совершения террористического акта, получают совокупную уголовно-правовую оценку (например, по ст. 205³ и ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ).

В работе отмечается, что представления о возможности идеальной совокупности приготовления особого рода (ст. 205³ УК РФ) и общего приготовления к террористическому акту (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ) связаны с неверным пониманием функционального назначения ст. 205³ УК РФ. Указанная статья включена в уголовный закон не для мультипликации уголовной ответственности за приготовление к преступлениям террористического характера, а для того, чтобы восполнить недостаточность общей нормы о приготовлении к преступлению, сфера применения которой ограничена, во-первых, категорией тяжести подготавливаемых преступлений, а во-вторых, требованием о конкретизированном умысле. Таким образом, ст. 205³ УК РФ выполняет компенсаторную функцию, имеет субсидиарное значение по отношению к общей норме о приготовлении. А значит, ст. 205³ УК РФ должна применяться лишь в тех случаях, когда не сработали положения ч. 1 ст. 30 УК РФ, в частности: когда лицо проходит обучение в целях совершения террористических преступлений небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205², ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести; если лицо, проходит обучение с неконкретизированной террористической целью, осваивая универсальные военные навыки (обучение стрельбе из огнестрельного оружия, изучение тактики ведения боевых действий и т.п.), не предпринимая действий, которые создают условия для совершения конкретных террористических нападений.

Исходя из этого, норма о приготовлении *sui generalis* (ч. 1 ст. 30 УК РФ) и норма об ответственности за приготовление *sui generis* (ст. 205³ УК РФ) должны

иметь различные сферы применения. Статья 205³ УК РФ должна применяться не *вместе* с положениями о приготовлении к террористическому преступлению, а *вместо* нормы о приготовлении – в случаях, когда применить ч. 1 ст. 30 УК РФ невозможно. Принимая во внимание субсидиарное значение ст. 205³ УК РФ, ее включение в уголовный закон следует признать полностью обоснованным.

В контексте уголовно-правового дискурса, связанного с интерпретацией объективной стороны исследуемого состава преступления, наиболее острым вопросом является вопрос о возможности применения ст. 205³ УК РФ в случаях так называемой «самоподготовки», при которой лицо получает соответствующие знания, умения и навыки самостоятельно, без взаимодействия с наставником, инструктором, тренером. Соискатель приводит веские основания для того, чтобы рассматривать подготовку лица в террористических целях (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ) и прохождение обучения в тех же целях (ст. 205³ УК РФ) в качестве «необходимого соучастия» в «двусторонних» преступлениях. Такой подход закономерным образом отражается на квалификации соответствующих деяний:

– он исключает возможность квалификации по ст. 205³ УК РФ «самообучения», осуществляемого без непосредственного или дистанционного контакта с лицом, которое передает соответствующие знания, умения, навыки. Состав преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, можно констатировать лишь при условии, что компетенции, необходимые для террористической деятельности, формируются в процессе взаимодействия с инструктором (в том числе и в формате самостоятельного изучения полученных от него «учебных материалов»);

– лицо, которое осуществляло подготовку обучающихся в террористических целях, не может признаваться организатором преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, равно как и обучающийся не может считаться подстрекателем к корреспондирующему преступлению, предусмотренному ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ. Каждый из участников «педагогического процесса», осуществляемого в террористических целях, совершает свое преступление.

В параграфе 2.1 «Законодательная дифференциация преступных групп, нацеленных на совершение преступлений террористического характера: критический анализ» отмечается, что в первоначальной редакции УК РФ отсутствовали специализированные нормы, предназначенные для противодействия террористическим объединениям, в связи с чем правоприменительная практика приспособила для этих нужд имеющиеся предписания (ст. 208,

209 УК РФ). Их правоприменительная адаптация для борьбы с организационно-управленческой инфраструктурой терроризма тем не менее не удовлетворила полностью потребности правоохранительных органов в эффективных уголовно-правовых средствах противодействия организованной террористической преступности. Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ в УК РФ введены ст. 205⁴ и 205⁵, в которых криминализованы первичное создание террористического сообщества (ст. 205⁴ УК РФ) и организация деятельности уже запрещенной террористической организации (ст. 205⁵ УК РФ).

Криминализация первичной и вторичной организационно-управленческой террористической деятельности полностью оправдана: ст. 205⁴ УК РФ позволяет разграничить (по крайней мере на уровне закона) экстремистское сообщество (ст. 282¹ УК РФ) и преступное объединение, созданное в террористических целях, обеспечить нормативную основу для адресного уголовно-правового воздействия на организаторов и участников террористических групп, реализовать требования международных антитеррористических стандартов; ст. 205⁵ УК РФ обеспечивает «упрощенную квалификацию» (по аналогии с упрощенным судопроизводством), что в целом соответствует уголовно-политическому тренду на формирование «утилитарного уголовного права». Стандарты квалификации и доказывания существенно упрощаются: достаточно установить сам факт участия в запрещенной организации, признанной террористической, или организации ее деятельности.

Однако ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ не решили застарелую проблему не единообразной (а порой и противоречивой) квалификации действий руководителей и участников террористических объединений. Главный недостаток ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ заключается в том, что установленные ими признаки террористического сообщества и террористической организации пересекаются между собой, а также с признаками незаконного вооруженного формирования, предусмотренными ст. 208 УК РФ. Организованная вооруженная группа, преследующая террористические цели, соответствует как признакам террористического сообщества, так и признакам незаконного вооруженного формирования. А если эта группа ассоциирована с запрещенной террористической организацией, является ее подразделением (ячейкой), то она, помимо прочего, полностью подходит под законодательные «лекала» террористической организации. При существующем законодательном регулировании пересечение и наложение признаков террористических

объединений, предусмотренных ст. 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ, просто неизбежно, поскольку: в ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ в перечне преступлений, для совершения которых создается террористическое сообщество, указана ст. 208 УК РФ; в перечне преступлений, дающих основание для признания организации террористической (ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), названы ст. 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ.

В этих условиях совпадение признаков террористических объединений порождает на практике совокупную квалификацию – одни и те же лица по правилам идеальной совокупности преступлений признаются виновными в создании сразу нескольких преступных групп и (или) участии в них, хотя по факту они являлись членами одной криминальной ассоциации. Подобная уголовно-правовая оценка организационно-управленческой террористической деятельности вызывает принципиальное несогласие. Если лицо фактически участвует в одном террористическом объединении с одним и тем же составом членов, если все участники группы преследуют общие цели, если в этой группе не выделяются подразделения, нацеленные на совершение качественно иных посягательств, то для квалификации должна задействоваться одна норма об ответственности за создание террористического объединения, а не весь набор статей, предназначенных для противодействия организационно-управленческой инфраструктуре терроризма.

Обозначенная проблема требует законодательного разрешения, причем нужно не разграничивать составы преступлений, предусмотренных ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ, а, наоборот, – объединить указанные в них деяния в рамках одного состава с альтернативными признаками. Для этого имеются все необходимые основания, ведь первичное создание террористического сообщества и организация деятельности уже запрещенной террористической организации – это действия, которые обладают сопоставимой общественной опасностью. Сказанное полностью справедливо и для участия в новом или уже попавшем под запрет террористическом объединении.

Создание ячейки запрещенной террористической организации с целью совершения террористических преступлений – это стандартный, типичный вариант организационно-управленческой террористической деятельности. К сожалению, искусственное законодательное «дробление» сходных по своей сути и опасности инфраструктурных террористических деяний не учитывает их тесной вза-

имосвязи, что неизбежно порождает проблемы двойного вменения, несовместимого со стандартами справедливости. Состав с альтернативными деяниями, сконструированный на базе ст. 205⁴ УК РФ, способен разрешить эту проблему, создав единое нормативное основание уголовной ответственности за создание террористического объединения, руководство им и участие в нем. Это предполагает «техническое» исключение ст. 205⁵ из УК РФ с переносом предусмотренных в ней деяний в ст. 205⁴ УК РФ.

Что же касается ст. 208 УК РФ, то ее целесообразно переориентировать на уголовно-правовое противодействие тем нелегальным военизированным подразделениям, которые дублируют функции армейских и правоохранительных милитаризованных структур (частные военные компании, вооруженные народные дружины, добровольческие патрули и т.п.), но не преследуют при этом криминальных целей. Предложенное изменение сферы применения ст. 208 УК РФ должно сопровождаться переводом соответствующих деяний в разряд преступлений средней тяжести.

В параграфе 2.2 **«Уголовная ответственность за создание террористического объединения и руководство им»** представлена уточненная уголовно-правовая характеристика организационно-управленческой террористической деятельности. Анализируя деяние в виде первичного создания террористического сообщества или незаконного вооруженного формирования, диссертант подчеркивает, что указанные объединения представляют собой разновидности организованной группы, а значит, для применения ч. 1 ст. 205⁴ и ч. 1 ст. 208 УК РФ требуется, чтобы объединение нескольких лиц в террористических целях достигло параметров устойчивости. Пока группа не приобрела устойчивость, создание террористического объединения, предусмотренного ст. 205⁴ или 208 УК РФ, нельзя считать юридически оконченным. Таким образом, минимальный объем организационных действий, требуемых для создания террористического сообщества или незаконного вооруженного формирования, заключается в приискании участников группы, их сговоре на совершение определенных преступлений (перечисленных в ст. 205⁴ УК РФ или указанных в абзаце втором п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1), разработке детальных планов реализации преступных целей и распределении криминальных функций. Создание незаконного вооруженного формирования может потребовать дополнительных действий по вооружению его будущих участников, если они вступают в группу, не имея оружия.

Учитывая тот факт, что обязательным элементом создания террористического сообщества и незаконного вооруженного формирования является согласие иных лиц на членство в группе, правоприменительные органы считают всех ее первоначальных участников (своего рода «учредителей») создателями группы. Критически оценивая подобную практику, соискатель указывает, что лица, которые своим согласием обеспечили минимальный состав террористической группы и действовали в дальнейшем в интересах этой группы, на роль подлинного организатора претендовать не могут. Изучение правоприменительной практики показывает, что среди первоначальных участников («учредителей») террористического объединения, как правило, выделяется лицо, которое инициировало формирование организованной группы, предложило иным лицам объединиться в террористических целях, обозначило целевую террористическую установку группы, наметило планы совместной террористической деятельности. Именно это лицо и должно нести ответственность за создание террористического объединения, тогда как иные лица, ставшие первыми членами формирующегося объединения, должны признаваться его рядовыми участниками.

Взаимодействие организатора, создавшего террористическое объединение, с первоначальными его участниками, без которых группа возникнуть не может по определению, может быть охарактеризовано как «необходимое соучастие»: организатор, имеющий умысел на создание террористической группы, склоняет к будущему участию в этой группе иных лиц, причем без их участия он технически не может создать группу, а лица, согласившиеся на участие в группе, не могут стать ее фактическими участниками, пока группа не будет создана. Однако такое необходимое соучастие не делает всех первоначальных участников соисполнителями создания террористического объединения. Они совершают свои личные преступления – организатор создает группу, тогда как вовлеченные им первоначальные члены становятся ее участниками, участвуют в ней.

Вменение ч. 1 ст. 205⁴ или ч. 1 ст. 208 УК РФ по признаку создания террористической группы сразу нескольким лицам возможно лишь в тех случаях, когда формирование устойчивого террористического объединения стало результатом коллективных организаторских усилий нескольких лиц, каждое из которых не просто ответило согласием войти в преступную группу, но и приложило организационные усилия для ее создания.

Рассматривая альтернативное преступное деяние в виде руководства террористическим сообществом или незаконным вооруженным формированием,

диссертант указывает, что правоприменительные органы расценивают его в качестве длящегося преступления. Однако руководство преступным объединением нельзя считать непрерывно совершаемым. Иллюстрируя признаки руководства террористическим сообществом и незаконным вооруженным формированием частными примерами, Пленум Верховного Суда Российской Федерации называет дискретные, совершаемые с разрывом во времени деяния, такие как разработка и утверждение планов деятельности преступной группы, подготовка к совершению конкретных преступлений, распределение ролей между членами группы, организация материально-технического обеспечения, принятие мер безопасности в отношении членов группы и т.п. Очевидно, что эти действия не могут совершаться непрерывно, а по своей природе требуют некоторых, порой значительных, разрывов во времени. С учетом дискретности руководящих действий, их юридической тождественности, единства умысла организатора, осуществляющего руководство преступным объединением, имеется намного больше оснований для того, чтобы признать руководство не длящимся, а продолжаемым преступлением. Исходя из этого, момент фактического окончания этого деяния следует увязывать не с прекращением существования группы, а с совершением последних руководящих действий.

Организационно-управленческая террористическая деятельность в содержательном плане является весьма сложной. Создание преступной группы и руководство ею предполагает, помимо прочего, формирование определенной (хотя бы минимальной) материально-технической базы (обеспечение средствами связи, обмундированием и т.п.), подготовку участников группы к совершению террористических нападений, их обучение, вербовку новых членов.

Проведенное исследование приводит к выводу о необходимости учета целевого предназначения финансовых и материально-технических средств, которыми распоряжается лидер террористического сообщества или террористической организации:

– если финансовые и материально-технические ресурсы предназначены для формирования террористического сообщества и обеспечения его деятельности, продолжения или возобновления противоправной деятельности запрещенной террористической организации (закупка амуниции, средств связи, медикаментов, продуктов питания, стройматериалов для оборудования укрытий, блиндажей, съем жилья и т.п.), то финансирование следует признать составной

частью организационной деятельности, направленной на создание террористического сообщества и руководство им либо на организацию деятельности террористической организации. При таких обстоятельствах дополнительная квалификация действий лидера террористической группы по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ представляется излишней;

– если же финансовые и материально-технические ресурсы направляются для финансирования конкретных преступлений террористического характера, а не на обеспечение функционирования террористического объединения, то действия лидера террористического объединения требуют дополнительной квалификации по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ.

Дифференцированного подхода требует и уголовно-правовая оценка действий создателя террористического объединения, направленных на вербовку участников: склонение иных лиц к участию в создаваемом (но еще не созданном) террористическом объединении, т.е. вовлечение первоначальных участников, полностью охватывается ч. 1 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 208 УК РФ; если же руководитель уже созданного и функционирующего террористического объединения привлекает в его ряды новых участников, то для дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ имеются все основания.

Тот же принцип должен быть положен в основу квалификации действий лидера террористической группы, направленных на подготовку ее участников в целях совершения преступлений террористического характера: если лидер группы организует такую подготовку, подыскивает инструкторов (тренеров), создает «учебно-методическую базу» для подготовки (полигон, тренировочный лагерь, методические пособия и т.п.), то все эти действия не выходят за пределы организационно-управленческих действий, в связи с чем дополнительная квалификация по ч. 1 или 1¹ ст. 205¹ УК РФ не требуется; если же лидер террористического объединения принимает непосредственное участие в подготовке участников группы в целях осуществления террористической деятельности, то это деяние, как представляется, выходит за рамки организационно-управленческих действий, что требует совокупной квалификации по ч. 1 или 1¹ ст. 205¹ УК РФ.

В параграфе 2.3 «Уголовная ответственность за участие в террористическом объединении» отмечается, что высший судебный орган под участием в террористической группе понимает вхождение в ее состав, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности группы (аб-

зац первый п. 22.5, абзац второй п. 22.7, абзац второй п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1). Из этого следует, что для юридически оконченного состава преступления в форме участия в преступной группе недостаточно того, чтобы лицо вступило в нее и значилось в списках ее членов; необходимо совершение конкретных деяний, обеспечивающих функционирование преступного объединения. Иными словами, участие в преступной группе предполагает не просто пассивное членство, т.е. состояние участия, а участие деятельное.

К сожалению, изложенный подход к интерпретации участия в террористическом объединении реализован недостаточно последовательно. Пленум Верховного Суда Российской Федерации предписывает считать участие в террористическом сообществе юридически оконченным преступлением с момента вхождения в состав такого сообщества с террористическими целями (абзац второй п. 22.5 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1), что явно не согласуется с деятельностной трактовкой участия в террористическом сообществе.

По всей видимости, в основу разъяснений о моменте юридического окончания участия в террористическом сообществе положены идеи ранней профилактики преступлений: устное или письменное согласие присоединиться к террористам, принятие присяги на верность террористическому объединению и его руководителям сигнализируют о возникновении серьезных, недопустимых криминальных рисков, которые требуют купирования уголовно-правовыми средствами. Однако инструменты раннего уголовно-правового воздействия не должны вступать в противоречие с фундаментальными началами уголовного права и базовыми уголовно-правовыми институтами. При таком подходе участие в деятельности террористической организации фактически приравнивается к формальному членству в соответствующей организации, т.е. к преступному состоянию, что недопустимо. К тому же подобная уголовно-правовая оценка фактически исключает возможность добровольного отказа от доведения до конца, лишает лицо стимулов к инициативному прекращению преступной деятельности, что не способствует решению превентивной задачи уголовного права. Поэтому действия, направленные на вступление в ряды террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования, которые не сопровождались последующим выполнением лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности преступной группы, нельзя считать юридически оконченным участием в соответствующем объединении.

Участие в преступной группе представляет собой сложное, пролонгированное деяние. Некоторые теоретики считают его длящимся преступлением, причем Верховный Суд Российской Федерации разделяет такой подход. Изложенная трактовка уголовно-правовой природы участия в преступной группе представляется неверной, поскольку длящееся преступление прочно ассоциируется с *«непрерывным»* осуществлением состава данного преступного деяния» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43), тогда как участие в преступном объединении предполагает совершение конкретных действий в интересах соответствующей группы (а не просто вхождение в ее состав), которые в большинстве случаев совершаются дискретно, с определенной периодичностью, с разрывами во времени, нередко весьма длительными. Соискатель подчеркивает, что интерпретация участия в преступной группе, основанная на концепции длящегося преступного состояния, идет вразрез с аксиоматичными положениями уголовного права, согласно которым преступление может воплощаться лишь в общественно опасном деянии, но не в состоянии или каком-либо статусе.

Участие в террористическом объединении можно позиционировать в качестве длящегося преступления лишь в тех случаях, когда оно выражается в совершении длящегося деяния в интересах группы, например в незаконном хранении арсенала вооружения, в длящейся террористической агитации (в частности, в публичных призывах к террористической деятельности, размещенных в сети «Интернет»). Здесь участие в преступной группе становится длящимся за счет длящегося характера иного преступления, непрерывно совершаемого членом группы. В иных ситуациях участие в преступной группе, если оно не было прекращено сразу после его юридического окончания, как правило, соответствует признакам продолжаемого преступления.

В параграфе 3.1 **«Уголовная ответственность за вооружение лица в целях совершения преступлений террористического характера»** отмечается, что трактовка вооружения как формы содействия террористической деятельности по смыслу ст. 205¹ УК РФ неразрывно связана не только с особыми свойствами предмета преступления, но и с целью предоставления соответствующих предметов. Эта цель приобретает особое значение для уголовно-правовой оценки предоставления предметов двойного назначения, которые могут использоваться как для поражения человека, уничтожения или повреждения имуще-

ства, так и для хозяйственно-бытовых нужд. С точки зрения диссертанта, снабжение субъектов террористической деятельности тепловизионным оборудованием, бронежилетами, касками, боевыми или разведывательными дронами следует квалифицировать как вооружение в террористических целях, а не как финансирование терроризма. В то же время предоставление транспортного средства может быть квалифицировано как вооружение только при заведомом отношении лица к этому предмету как средству совершения террористического акта. Если автомобиль был передан лишь для транспортировки участников террористической группы, содеянное следует квалифицировать как финансирование терроризма.

Раскрывая понятие «вооружение» применительно к ст. 205¹ УК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации использует термин «снабжение», который, по мнению соискателя, нельзя сводить лишь к передаче соответствующих предметов. Вооружение следует трактовать как обеспечение возможности их использования в террористической деятельности, которое может выражаться не только в сбыте, но и в изготовлении, переделке, ремонте, хранении и перевозке предметов вооружения.

В уголовно-правовой доктрине высказывается мнение о том, что снабжение лиц, планирующих или совершающих преступления террористической направленности, оружием должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, без дополнительной квалификации по статьям об ответственности за незаконный оборот оружия. Однако автор не разделяет это мнение, полагая, что в этой ситуации требуется совокупная квалификация по ст. 205¹ и ст. 222, 222.1 УК РФ, что позволяет должным образом учесть объективно существующие различия между огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами и предметами двойного назначения. Очевидно, что снабжение террористов предметами первой группы (оружием в узком смысле) обладает намного более высокой общественной опасностью, чем предоставление им топоров, ножей, тепловизоров и других предметов двойного назначения. Дополнительная квалификация по ст. 222, 222.1 УК РФ позволяет учесть эти различия и обеспечить адекватную дифференциацию уголовной ответственности за вооружение лица в террористических целях. Если же квалифицировать вооружение лица в целях осуществления террористической деятельности только по ст. 205¹ УК РФ, то различия между оружием и предметами двойного назначения стираются, что не соответствует канонам справедливости и задачам дифференциации ответственности.

В параграфе 3.2 «Уголовная ответственность за финансирование и материально-техническое обеспечение терроризма» отмечается, что ст. 205¹ УК РФ игнорирует стоимостные (размерные) характеристики предмета финансирования. На этом основании констатируется, что истинный правовой смысл изучаемого уголовно-правового запрета заключается не в криминализации оказания финансовой помощи субъектам террористической деятельности, а в самой поддержке терроризма путем предоставления такой помощи.

Вместе с тем даже самая широкая интерпретация понятия финансирования не может преодолеть очевидный экономический контекст такой деятельности, а соответственно, и средства ее осуществления. Не образует финансирования терроризма по смыслу ст. 205¹ УК РФ передача средств, которые не могут быть оценены с экономической точки зрения (не обладают стоимостью), например вредоносных компьютерных программ или сетевых идентификаторов доступа (логинов и паролей) для совершения атак на объекты критической информационной инфраструктуры.

Оценивая доктринальные рекомендации и правовые позиции высшего судебного органа относительно установления юридического окончания финансирования терроризма в форме предоставления средств, диссертант приводит материально-правовые и процессуальные доводы в пользу того, чтобы определять его по моменту передачи соответствующих средств, не увязывая его с фактом получения средств адресатом.

В работе подчеркивается, что уголовная ответственность за финансирование терроризма имеет свои пределы. Не могут расцениваться как финансирование терроризма: оказание материальной помощи близкому родственнику, участвующему в террористической деятельности, сугубо из родственных соображений, в обстановке, с очевидностью предполагающей легальное использование переданных средств (например, для погашения кредита, задолженности по коммунальным платежам); оказание материальной помощи семье или иным близким лицам террориста; предоставление участнику террористической организации денежных средств для прохождения лечения, за исключением случаев, когда заболевание (ранение) связано с террористической деятельностью; осуществление обязательных или жизненно необходимых платежей за товары или услуги (оплата за проезд, приобретение топлива либо продуктов питания и т.п.) лицами, которые помимо воли оказались на территории, подконтрольной террористическим формированиям.

В параграфе 3.3 «Уголовная ответственность за программное и аппаратное обеспечение терроризма в условиях цифровизации» отмечается, что деяния, составляющие цифровую инфраструктуру терроризма, могут получить уголовно-правовую оценку: на основании ч. 5 ст. 33 УК РФ об ответственности за пособничество в совершении любого преступления террористической направленности; посредством применения ч. 1¹ или ч. 3 ст. 205¹ УК РФ об ответственности за финансирование терроризма и пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ; на основании ст. 205⁴ и 205⁵ УК РФ, когда соответствующая деятельность являлась формой участия лица в террористическом сообществе либо организации; путем учета отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ (по признаку совершения преступления в целях поддержки терроризма); посредством применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ). Вместе с тем этот инструментарий вряд ли можно признать оптимальным и достаточным. Во многом это связано с тем, что в российском уголовном законодательстве до настоящего времени не решен вопрос об ответственности за саму поддержку терроризма: таковая упоминается лишь при определении цели, выступающей отягчающим обстоятельством в п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ, и аналогичной цели в конструкции диспозиции ст. 205⁴ УК РФ. Получается, что иные формы поддержки (например, оказание услуг администрирования компьютерной системы, предоставление услуг центра обработки данных и т.п.) могут преследоваться только через их оценку как пособнических, что не всегда возможно.

В рамках проактивной модели противодействия терроризму предлагается реализовать следующий комплекс мер, направленных на купирование угроз от деятельности, связанной с цифровой инфраструктурой терроризма:

– разработать механизм принятия решения о том, что конкретная организация (иностранная либо международная) осуществляет деятельность, направленную на поддержку терроризма. Данный механизм в целом может быть построен по типу существующей процедуры признания нежелательной деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной организации в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»;

– с учетом внедрения указанного механизма установить уголовную ответственность за участие в деятельности, а равно установление или поддержание сотрудничества с иностранной либо международной организацией, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности направленной на поддержку терроризма.

В работе отмечается, что практика уголовного преследования лиц, поставляющих оборудование и (или) оказывающих IT-услуги субъектам, деятельность которых напрямую или опосредованно направлена на поддержку терроризма, должна приобрести статус международного стандарта (путем внесения дополнений в соответствующие международные документы).

В **заключении** подведены итоги исследования, изложен комплекс авторских инициатив, направленных на оптимизацию уголовно-правовых средств (инструментов) воздействия на инфраструктуру терроризма.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в Перечне ВАК при Минобрнауки России

1. Боков, Д. К. Объективные признаки прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности: дискуссия и правоприменение / Д. К. Боков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 4 (58). – С. 14–17. (0,4 п. л.)

2. Боков, Д. К. Противодействие заведомо ложному сообщению об акте терроризма, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Д. К. Боков // Вестник Московского Университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 43–45. (0,3 п. л.)

3. Боков, Д. К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: трудности доктринального понимания / Д. К. Боков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 5 (97). – С. 124–131. (0,6 п. л.)

4. Боков, Д. К. Инфраструктура терроризма: понятие и сущность / Д. К. Боков // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 4 (82). – С. 361–369. (Журнал индексируется в Web of Science.) (1,0 п. л.)

5. Боков, Д. К. Особенности кадровой инфраструктуры современного терроризма / Д. К. Боков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2024. – № 3 (65). – С. 6–9. (0,3 п. л.)

6. Боков, Д. К. Цифровая инфраструктура терроризма: стратегия уголовно-правового противодействия / Д. К. Боков // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 7 (212). – С. 39–48. (1,0 п. л.)

7. Боков, Д. К. Терминологический аппарат, характеризующий террористические угрозы: критический анализ и направления совершенствования / Д. К. Боков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 3 (101). – С. 95–104. (1,2 п. л.)

8. Боков, Д. К. Финансирование терроризма: спорные вопросы квалификации / Д. К. Боков // Российский следователь. – 2024. – № 12. – С. 25–28. (0,3 п. л.)

9. Боков, Д. К. Уголовная ответственность за финансирование терроризма: предпосылки установления и проблемы реализации / Д. К. Боков // Юридическое образование и наука. – 2024. – № 12. – С. 22–27. (0,4 п. л.)

10. Боков, Д. К. Дифференциация уголовной ответственности за вооружение субъектов террористической деятельности / Д. К. Боков // Ученые труды российского Университета адвокатуры и нотариата. – 2025. – № 1 (76). – С. 84–89. (0,4 п. л.)

11. Боков, Д. К. Вооружение лица в целях осуществления террористической деятельности: проблемы уголовно-правовой оценки / Д. К. Боков // Законность. – 2025. – № 4 (1086). – С. 45–49. (0,4 п. л.)

12. Боков, Д. К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные с использованием сети «Интернет»: проблемы установления хронологических границ / Д. К. Боков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 3 (107). – С. 64–69. (0,7 п. л.)

13. Боков, Д. К. «Превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму / Д. К. Боков // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2025. – Т. 20, № 6. – С. 230–250. (1,2 п. л.)

14. Боков, Д. К. Уголовно-правовое воздействие на инфраструктуру терроризма в контексте теории раннего предупреждения преступности / Д. К. Боков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 3 (60). – С. 48–53. (0,8 п. л.)

15. Боков, Д. К. Теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма / Д. К. Боков // Юридическое образование и наука. – 2025. – № 7. – С. 29–35. (0,7 п. л.)

16. Боков, Д. К. Участие в преступной группе террористической направленности: проблемы квалификации / Д. К. Боков // Уголовное право. – 2025. – № 11 (183). – С. 3–9. (0,6 п. л.)

17. Боков, Д. К. Предпосылки конструирования антитеррористических уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие *sui generis* (особого рода) / Д. К. Боков // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 4. – С. 65–74. (0,9 п. л.)

18. Боков, Д. К. Уголовная ответственность за создание террористического объединения / Д. К. Боков // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2025. – № 4 (79). – С. 68–72. (0,5 п. л.)

19. Боков, Д. К. Антитеррористические нормы об ответственности за соучастие «особого рода»: социально-правовая обусловленность и сфера применения / Д. К. Боков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – № 4 (165). – С. 166–177. (0,8 п. л.)

20. Боков, Д. К. Антитеррористические уголовно-правовые нормы об ответственности за соучастие *sui generis* (особого рода) / Д. К. Боков // Законность. – 2026. – № 3 (1097). – С. 42–46. (0,4 п. л.)

21. Боков, Д. К. Самостоятельные нормы об ответственности за приготовительную деятельность как инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма / Д. К. Боков // Журнал российского права. – 2026. – Т. 30, № 2. – С. 96–109. (1,1 п. л.)

22. Боков, Д. К. Законодательная дифференциация преступных групп, нацеленных на совершение преступлений террористического характера: критический анализ / Д. К. Боков // Юридическое образование и наука. – 2026. – № 2. – С. 20–26. (0,7 п. л.)

23. Боков, Д. К. Нормы об ответственности за создание и организацию деятельности террористических объединений (ст. 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ): перспективы совершенствования / Д. К. Боков // Российский журнал правовых исследований. – 2026. – № 1. – С. 15–20. (0,6 п. л.)

Публикации в зарубежных изданиях

24. Боков, Д. К. Информационная инфраструктура терроризма / Д. К. Боков // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: И. А. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2024. – Вып. 17. – С. 11–18. (0,4 п. л.)

Иные публикации

25. Боков, Д. К. Проблемы социально-правовой интерпретации терроризма / Д. К. Боков // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения) : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21–22 марта 2024 г.) / науч. ред. В. В. Меркурьев ; [сост. М. В. Ульянов, Р. В. Закомолдин] ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации ; Рос. криминолог. ассоц. – Москва, 2024. – С. 207–215. (0,7 п. л.)

26. Боков, Д. К. Кадровая инфраструктура терроризма / Д.К. Боков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 2. – С. 36–42. (0,4 п. л.)